

Валерий Ковалев

Сыновья Горгоны

Детектив-экшен

Валерий Ковалев
Сыновья Горгоны

«Горизонт»

2016

Ковалев В. Н.

Сыновья Горгоны / В. Н. Ковалев — «Горизонт»,
2016 — (Детектив-экшен)

Летом 1963 года в заливе Неелова на побережье моря Лаптевых были обнаружены останки погибшего моряка. Рядом с ним лежала металлическая бляха. Надпись на изъеденной временем пластине свидетельствовала, что ее владелец унтер-офицер кригсмарине, то есть военно-морских сил Германии времен Третьего рейха. Кто был этот моряк – и, главное, – каким образом он мог оказаться так далеко на востоке, до сих пор неизвестно. В 1968 году, в том же заливе, недалеко от поселка Тикси, волны вынесли на берег полупустую бочку с керосином, имевшую маркировку кригсмарине. А спустя семь лет, в 1975 году, экипаж вертолета Ми-8, совершивший вынужденную посадку на одном из островов в дельте реки Лены, обнаружил целый склад горючего, принадлежавший немецким ВМС. Данные факты, ставшие известными из ряда газетных публикаций того времени, стали предметом нескольких журналистских расследований, которые, однако, потерпели неудачу. Что же скрывается за этими сенсационными находками? Простая случайность, как это часто бывает, или что-то более важное, о чем мы до сих пор не знаем?

© Ковалев В. Н., 2016

© Горизонт, 2016

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерий Ковалев

Сыновья Горгоны

Предисловие

Летом 1963 года в заливе Неелова на побережье моря Лаптевых были обнаружены останки погибшего моряка. Рядом с ним лежала металлическая бляха. Надпись на изъеденной временем пластине свидетельствовала, что ее владелец унтер-офицер кригсмарине, то есть военно-морских сил Германии времен Третьего рейха.

Кто был этот моряк – и, главное, – каким образом он мог оказаться так далеко на востоке, до сих пор неизвестно.

В 1968 году, в том же заливе, недалеко от поселка Тикси, волны вынесли на берег полупустую бочку с керосином, имевшую маркировку кригсмарине*. А спустя семь лет, в 1975 году, экипаж вертолета Ми-8, совершивший вынужденную посадку на одном из островов в дельте реки Лены, обнаружил целый склад горючего, принадлежавший немецким ВМС.

Данные факты, ставшие известными из ряда газетных публикаций того времени, стали предметом нескольких журналистских расследований, которые, однако, потерпели неудачу.

Что же скрывается за этими сенсационными находками? Простая случайность, как это часто бывает, или что-то более важное, о чем мы до сих пор не знаем?

Глава 1

На куполе Мира

Белая медведица, с семенящим сзади пушистым медвежонком, неспешно шествовала среди заснеженных, блестящих под весенним солнцем торосов. Время от времени она останавливалась и ловила носом сырой, налетающий порывами ветер. Там, в нескольких километрах к югу, у кромки растаявшего льда, находились лежбища тюленей и птичьи базары, на которых оголодавшая за зиму медведица, собиралась поохотиться.

Внезапно зверя что-то обеспокоило, он поднялся на задние лапы и чутко прислушался. В то же секунду прогремела автоматная очередь, медведица с ревом повалилась на бок и неподвижно застыла на снегу.

Через минуту, из-за ближайшего тороса, появился облаченный в меховый комбинезон человек в темных очках со шмайсером* в руках и, скрипя унтами, осторожно приблизился к зверю. В нескольких метрах от него человек остановился, вскинул автомат и выпустил вторую очередь в скулящего рядом с матерью медвежонка. После этого обернулся и призывно помахал вдаль рукой.

Где-то среди торосов, в ослепительно искрящемся воздухе, раздался хлопок, затем нутно взревел двигатель и через несколько минут к незнакомцу подполз гусеничный «даймлер». Хлопнули дверцы кабины, и на снег выпрыгнули еще двое людей в такой же одежде и суконных масках с прорезями для глаз, одетых на лицах.

– С удачной охотой, господин майор! – заорал один из них, с биноклем на груди, а второй, присев на корточки, стал разглядывать неподвижных зверей.

– Спасибо, Вилли. Это было совсем нетрудно, – ухмыльнулся майор Фриц Крюгер и повесил автомат на плечо. – Я был с подветренной стороны. А теперь парни сфотографируем на фоне наших трофеев и за работу, пока они не застыли.

Сделав несколько снимков извлеченным из кабины тягача «роллэнкордом», вся троица вынула ножи, принявшись свежевать добычу.

Через час, забросив шкуры в грузовой отсек и хлебнув в кабине рому из фляг, они двинулись в обратный путь.

Крюгер был командиром эскадрильи, а его спутники летчиками арктической базы «люфтваффе», расположенной на леднике острова Гофмана в районе Земли Франца-Иосифа.

Этот самый северный в Европе архипелаг был совершенно случайно открыт в прошлом столетии австрийцами Карлом Вейпрехтом и Юлиусом Лайнером, и сразу же попал в поле зрения Германии.

В результате, в конце 1941 года, в режиме строгой секретности, немецким командованием здесь была создана специальная база для ведения воздушной разведки акватории Северного Ледовитого океана и нанесения бомбовых ударов по конвоям противника, а также его стратегическим объектам в Заполярье.

На базе, возглавляемой полковником Рудольфом Майером, располагалась эскадра пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-88» и истребителей «Мессершмидт-107» с техническими службами, узел связи, метеостанция, а также рота охраны из горнострелковой дивизии «Эдельвейс».

...Круша траками лед, тягач с ревом перевалил через последнюю гряду торосов и выполз на обширное ледяное плато. С запада на восток, вдоль него тянулась очищенная от снега взлетная полоса, вдоль которой стояли покрытые инеем самолеты, у которых сустились группы людей и ездили бензоаправщики.

На некотором удалении от них, приткнувшись к массиву круто уходящего вверх ледника, располагались несколько смонтированных на тракторных санях щитовых домиков и стационарная наблюдательная вышка, оборудованная прожекторами и антенной.

Миновав их, «даймлер» покатил к леднику и, сбавив обороты, въехал под своды просторной пещеры, причудливо освещенной уходящими в ее глубь фонарями. Там стоял еще один тягач, с установленным на кабине зенитным пулеметом, а вдоль стен, на деревянных помостах, высились штабеля бочек с горючим.

Здесь же, в ледяной камере, оборудованной под мастерскую, возились с разобранным авиационным двигателем несколько механиков в замасленных комбинезонах.

Выключив двигатель, Крюгер приказал спутникам заняться добычей, а сам, выбравшись из кабины и посвистывая, направился по очищенной от снега дорожке в сторону широкой расщелины, видневшейся чуть выше по склону.

Поднявшись туда по вырубленным в фирновом снегу ступеням, майор оказался перед врезанной в ледяную стену, массивной деревянной дверью. С натугой потянул ее на себя, и вошел внутрь. За дверью, обитой изнутри войлоком, находился длинный, обшитый тесом коридор, с несколькими отсеками.

В первых двух, с аккуратно застеленными двухъярусными нарами и всевозможной, висящей на стенах амуницией, было пусто, за исключением дремлющего у жарко пылающей чугунной печки дежурного, а из последнего, в торце коридора, завешенного брезентом, доносилась тихая музыка.

Приподняв брезент, Крюгер вошел в отсек.

Он был несколько меньшим по размерам, но значительно уютней остальных. Вдоль стен стояли четыре металлические койки, в углу, на ящике, светился зеленым глазом «Телефункен» и стоял полевой телефонный аппарат, а с многочисленных фотографий на стенах, томно улыбалась полуобнаженная Марлен Дитрих.

В центре помещения, за небольшим столом, дымя сигаретами, азартно сражались в скат трое мужчин в зимнем егерском камуфляже, а рядом, на дощатом полу, положив голову на лапы, дремала пушистая хаска.

– Привет героям Нарвика и Крита! – приветствовал их майор и потрепал по холке подошедшего к нему пса.

– Рады видеть тебя Фриц! – отложил карты в сторону светловолосый капитан. – Что нового в люфтваффе?

– Да все то же, Макс. Топим американские конвои и бомбим Мурманск. У меня для тебя подарок: гора отличной медвежатины для ездовых собак.

– Очень кстати, у нас как раз намечается вояж.

– Куда?

– Воздушная разведка обнаружила на одном из островов, в сотне километрах к Полюсу, стоянку эскимосов. В интересах секретности, полковник приказал всех их уничтожить.

– Что ж, это резонно. Аборигены могут обнаружить аэродром и сообщить о нем на побережье, русским. Когда отправляетесь?

– Через час, на собачьих упряжках.

– Ну что же, желаю удачи. А теперь я не прочь сыграть партию, – сказал Крюгер, присаживаясь к столу.

В это время сипло захрипел зуммер и Макс Ланге, так звали капитана, чертыхнувшись, взял трубку.

– Тебя, срочно вызывают в штаб, – произнес он через секунду и положил ее на рычаг.

– Сыграем в другой раз, Макс, – усмехнулся майор. – Так не забудь про мясо, мои парни выгрузили его в транспортном хранилище, и привези какой-нибудь эскимосский сувенир. После этого, не прощаясь, он покинул отсек.

Штаб находился в самом большом из щитовых домиков, с пристроенным к нему теплым тамбуром и радиорубкой на втором этаже. Войдя внутрь и повесив на свободный крючок кепи и меховую куртку с капюшоном, Крюгер направился в помещение дежурного, а оттуда в кабинет полковника Майера.

Там, вдоль стен, на венских стульях, уже сидели все командиры эскадрилий, а напротив них, за обширным столом с висящей сзади картой Арктики, в кресле глыбообразно возвышался сам полковник.

– Итак, начнем, господа, – сказал он, когда майор, извинившись за опоздание, занял свое место. – Только что получена радиограмма из Киркенеса о том, что разведка люфтваффе засекла в море, на подходе к острову Медвежий, американский транспортный конвой.

В его составе тридцать пять судов и семнадцать кораблей охранения. Нам предписано атаковать конвой всеми имеющимися силами.

Под Сталинградом началось очередное наступление вермахта и военные грузы с транспортов не должны попасть к русским. В этой связи приказываю немедленно готовить все эскадрильи к вылету. Сигнал – красная ракета. За дело господа, хайль Гитлер!

– Хайль! – рявкнули присутствующие и, вскочив, выбросили руки вверх

Спустя непродолжительное время, база ожила.

У самолетов, расчехляя моторы, забегали механики, экипажи заняли места в кабинах, и машины взревели двигателями. А еще через несколько минут, над штабом взмыла ракета и эскадрильи, одна за одной, порулили на взлет.

Поначалу от льда тяжело оторвались юнкерсы, а вслед за ними в небо устремились мессершмитты. Набрав высоту и выстроившись в боевые порядки, крылатая армада взяла курс на зюйд.

Сидя в командирском кресле своего юнкерса, Фриц Крюгер внимательно обозревал проплывающую далеко внизу ледяную пустыню, которая вскоре сменилась отливающим под солнцем ультрамариновой синью морем. Настроение у него было прекрасное, и приказ о вылете он воспринял как очередную охоту – теперь уже на людей. Майор воевал давно, успешно, и убивать ему нравилось.

В своем «Ju-88» с бронированной кабиной, тремя пулеметами и полутора тоннами бомб, Крюгер чувствовал себя могущественным и неуязвимым. Все это, с предвкушением предстоящего боя, настраивало на мажорный лад, и он затянул свою любимую песню

*Отмечен смертью, лечу по-птичьи,
за человеческой живою дичью.
На черных крыльях – патронов строчки,
взбуждает бомба могучей почкой.*

*Под бомбой тучи, чернее ночи,
лечу я в тучах, я – черный ловчий.
Несу вам смерть я не без причины —
охочусь ночью за мертвечиной.*

*Безлунной ночью я, черный ловчий,
отмечен смертью, лечу над ночью...*

Наконец на горизонте показался конвой с густым облаком синеватого, всмящего над ним дыма. Транспорты и корабли шли походным порядком. Гудящая армада перестроилась в два эшелона (снизу юнкерсы, а над ними мессершмитты) и стала заходить на цель со стороны солнца.

Первая атака была неожиданной и увенчалась успехом.

Спланировав вниз, юнкерсы, с ревом пронеслись над палубными надстройками, сбросив на суда смертоносный груз. Рвущиеся бомбы накрыли два транспорта, и они потеряли ход, а на одном из эсминцев сопровождения, получившем прямое попадание в рубку, вспыхнул пожар, и он отвалил в сторону. Но уже при втором заходе, конвой открыл ответный огонь, и все смешалось в адском грохоте.

С ревом пикировали самолеты, оглушительно рвались бомбы и, сотрясая воздух, гремели залпы корабельных орудий.

Выйдя из пике, Крюгер набрал высоту и, решив добить оставшийся без хода эсминец, направил тяжелую машину в его сторону. Корабль окутался дымовой завесой, из которой в сторону атакующего юнкера понеслись орудийные и пулеметные трассы.

Зайдя к кораблю с кормы, где их было меньше, майор лег на боевой курс, а бортинженер принял к бомбовому прицелу, в котором стремительно нарастал корабельный силуэт. Когда, едва не задевая надстройку, самолет пронесся над целью, он нажал кнопку сброса, и серия бомб пошла вниз.

В следующую секунду в юнкере попал снаряд, он завалился на крыло и стал терять высоту. Последнее, что увидел Крюгер, были стремительно несущиеся ему навстречу и кипящие от взрывов волны...

Тем же временем, по блестящему под солнцем фирну, от базы эскадры люфтваффе, в сторону Полюса, удалялись три собачьих упряжки. В первой, за спиной рослого ефрейтора – шведа, выполняющего роль погонщика, полулежал с сигаретой в зубах Макс Ланге, а в остальных находились еще четверо егерей.

Вся группа была в арктической экипировке (меховых комбинезонах, защитных масках и темных очках). Их путь лежал к острову Грэм Белл, лежавшему в сотне километрах от базы. Именно там, по сведениям воздушной разведки и находилась стоянка эскимосов, которую следовало разыскать и уничтожить.

Полученное задание не смущало капитана. За время службы в горно-стрелковых частях он привык к такого рода поручениям. Их Ланге не раз приходилось выполнять в свое время в Греции, а потом и в Норвегии.

– Ах, как тепло и солнечно было на Крите, – вспоминал капитан. – А какое вино и женщины? Не то, что здесь, во льдах, где одни медведи и ночные сполохи на небе. Он огорченно сплюнул и толкнул ефрейтора ногой.

– Хельмюрс, вам приходилось иметь дело с эскимосами?

– О да, господин капитан, до войны я плавал на норвежском китобойном судне и видел этих дикарей, – обернулся тот к Ланге. – Мы не раз посещали их стоянки.

– И что они из себя представляют?

– Да как сказать? Это малочисленное племя, обитающее в Гренландии, и еще на ряде островов в Арктике. Кормятся охотой на китов, медведей и рыбалкой. Живут в снежных норах, грязные и очень любят спирт.

– Знаешь ли ты их язык?

– К сожалению, нет, господин капитан.

Первый день путешествия прошел без приключений, и когда солнце повисло у горизонта, егеря остановились на ночлег у отдельно стоящего тороса.

Не выпрягая собак из упряжек, они накормили их мерзлой медвежатинной и разбили три небольших палатки. Затем, разогрев в них на спиртовках мясные консервы, основательно подкрепились, хлебнули шнапса и, забравшись в спальные мешки, завалились спать.

Утром, когда немеркнущее солнце вновь покатилося по небу, стрелки позавтракали, свернули лагерь и двинулись дальше. Через десяток километров, путь упряжкам преградила глубокая извилистая трещина во льду, тянувшаяся перпендикулярно их курсу. Ланге внима-

тельно осмотрел ее, выругался и приказал объезжать – препятствие оказалось непреодолимым...

Всю ночь старый эскимос Айаго беспокойно ворочался на своей постели из тюленьих шкур, слушая долетающий со стороны фиорда шорох и треск дрейфующих льдин. Накануне, охотясь в скалах на птиц, его сыновья видели в море стаю китов, и вот уже второй день в заливе для них приготовлена сеть, у которой посменно дежурят мужчины рода.

Он небольшой, всего четыре десятка мужчин и женщин, не считая детей. В эти места род Айаго переселился прошлым летом, приплыв на каяках с северного побережья Гренландии. Путешествие было долгим и утомительным. Во время него погибли две лодки с людьми. Одна утонула во время сильного шторма, а на вторую обрушился тающий айсберг.

Но усилия не были напрасными. Воды вокруг острова кишели рыбой, в скалах гнездились множество птиц, а в тундре водились белый медведь и песец. На берегу одного из фиордов переселенцы обнаружили несколько бревен с останками кита, которые использовали для постройки трех иглу и рыбных вешал. Здесь же, рядом, вырубили во льду несколько ям для хранения запасов копальхена и рыбы.

Промысел в то лето был небывало удачным. В котлах не переводилось мясо моржа и нерпы, а вешала гнулись под тяжестью жирной трески. Однако за длинную полярную зиму запасы основательно поубавились, их следовало пополнить.

Айаго встал с постели, поджег нерпичьим жиром едва мерцающую плошку и та, весело потрескивая, осветила подземное жилище. Вдоль его стен, увешанных охотничьим снаряжением, завернувшись в шкуры, спали обитатели иглу – мужчины, женщины и дети. Все они были потомками старого охотника.

Здесь же, у низкого, ведущего наверх лаза, свернувшись в клубок и прикрыв морду пушистым хвостом, дремал лохматый Хурх, верный спутник Айаго, не раз спасавший ему жизнь.

Присев на плоский камень у очага, с висящим над ним закопченным котлом, старик набил мхом выточенную из моржового клыка трубку и с наслаждением затянулся.

Неожиданно снаружи донеслись удары в железо и пронзительные крики, – катакак, катакак!

В иглу все пришло в движение и через минуту все его взрослое население, оживленно переговариваясь, выбралось наверх и бегом помчалось к берегу. Из других жилищ туда же спешили и соседи с сыромязными лахтакыми канатами на плечах.

В сотне метрах от берега, в прыгающем на волнах каяке, напряженно трудились несколько мужчин, выбирая тяжелую сеть. Медленно, метр за метром она появлялась из воды и поочередно перехватывалась их руками.

Наконец на поверхности появилась громадная туша белухи со светлыми плавниками и судорожно бьющим по воде хвостом, на который охотники ловко набросили канат. После этого они отпустили сеть и начали усиленно грести к берегу, где их, подбадривая выкриками, с нетерпением ждала толпа сородичей.

Когда лодка врезалась в грунт, толпа, вбежав в легкий прибой, схватилась за ее борта и вытащила на сушу. Затем все – мужчины, женщины и дети, уцепившись за канат, потянули его к берегу, преодолевая усилия сопротивляющегося исполина.

Выбравшийся из иглу последним, Айаго, щуря подслеповатые глаза и посасывая трубку, невозмутимо наблюдал за знакомой и такой приятной картиной.

А тем временем охотники, достав из висящих на поясах ножен острые ножи, приступили к разделке туши. Мясо и жир, распластанные на большие куски, женщины и дети начали перетаскивать в ямы, а сочную шкуру, называемую матак, жмурясь от удовольствия, поедали на месте.

Не забыли люди и повизгивающих собак, вертевшихся под ногами и те, получив свою долю, жадно пожирали внутренности, рыча и скаля острые клыки на собратьев.

Через несколько часов на берегу остался только костяк кита, белеющий громадными позвонками, а над снежными куполами подземных жилищ, появились синеватые дымки – там началось пиршество.

Вынутое из чугунных котлов вареное мясо разделили по числу едоков, за ним последовала жареная на рожнах печень, а на десерт каждый получил по целой миске наваристого бульона.

Потом, сытые и довольные соплеменники собрались в самом просторном иглу, где жил старый Айаго. Теперь жилище ярко освещалось несколькими плашками, в которых, потрескивая, ярко горел китовый жир. Венчая удачу и торжественность момента.

Полулежа на мягкой лежанке из шкур и довольно посасывая трубку, старик рассказывал сородичам очередную сказку, которую они с интересом слушали:

«Шел голодный песец по берегу и нашел выброшенную морем тушу моржа.

– Ого, сколько вкусной еды! – подумал песец и стал есть. В это время к нему подбежал волк и сказал, – я тоже поем с тобой, очень уж проголодался.

– Ладно, ешь, – согласился песец. – Еды много, и я поделюсь с тобой. Стали есть вдвоем. Насытившись, оба от берега на холм пошли. Когда взобрались туда, песец волку предложил, – давай здесь отдохнем, отоспимся после сытной еды.

Волк согласился, они улеглись рядом и уснули.

Но хитрый песец не спал, а лишь притворялся и исподтишка наблюдал за волком. Убедившись, что тот погрузился в крепкий сон, песец сбегал на берег, принес оттуда моржовые позвонки и нанизал их серому на хвост. А после этого стал будить волка и кричать.

– Вставай скорей, сюда идут враги! Вон они, уже близко, на холм поднимаются. Сейчас убьют нас! Спасайся! И убежал в тундру.

Волк тоже вскочил и с испугу понесся, куда глаза глядят. Бежит и слышит, как сзади что-то гремит и хватает его за хвост.

– Ну, думает, – враги совсем близко, уже к хвосту подбираются. Прибавил ходу. А сзади гремит все сильнее, чуть хвост не отрывается. Бежал, бежал волк, пока совсем не обессилел. Упал он на снег и подумал, – все, конец, сейчас враги меня убьют. А потом оглянулся назад – там никого, а на хвосте несколько моржовых позвонков висят. Понял волк, что это песец над ним подшутил и взвыл от злости – поймаю, проклятый песишка, разорву!

С тех пор песец всегда прячется от волка, а тот его постоянно ищет, что б отомстить за злую шутку», – закончил свою сказку старый Айаго.

Затем в иглу начинаются танцы.

В центре, вокруг горящего очага, изображая сцену охоты, под рокот бубна ритмично заскользили несколько молодых охотников, а сидящие вдоль стен соплеменники, начали хлопать в ладони и петь. Звуки бубна и горловые звуки встревожили дремлющих наверху собак и, время от времени, задирая к небу лохматые головы, те стали выть. Переливчато и тоскливо.

...Немеркнувшее солнце неподвижно зависло в зените. На вершине вмерзшего в ледяное поле айсберга, у которого на отдых остановились егеря, широко расставив ноги стоял Ланге и внимательно осматривал в бинокль открывшуюся перед глазами панораму острова. Внезапно он заметил три едва различимых, поднимающихся к небу голубоватых дымок у низкой гряды прибрежных скал, удовлетворительно хмыкнул и, оскальзываясь шипованными ботинками начал быстро спускаться.

– Мольтке! – позвал капитан, ступив на лед.

С одной из упряжек вскочил коренастый фельдфебель с бородой и поспешил навстречу командиру.

– Мы у цели, – сообщил ему Ланге. – Впереди, в нескольких километрах, три дыма. По – видимому, там жилища аборигенов. Атакуем их веером, с ходу. Прикажите парням проверить оружие и упряжь.

– Яволь господин капитан! – рявкнул Мольтке и бегом вернулся к саням. Там возникло оживление, сопровождаемое лязгом затворов и визгом собак. Почувствовавших настроение двуногих.

Через несколько минут, по сигналу Ланге, все три упряжки устремились вперед. Все убыстряясь. По мере приближения к скалам, они разошлись веером, охватывая с флангов уже хорошо различимые дымы, относимые поднявшимся ветром в сторону залива.

В полукилометре от стойбища, навстречу саням с рычанием вымахнули эскимосские лайки. С передовой упряжки по ним хлестнула автоматная очередь, две собаки с визгом зарылись в снег, окрасив его первой кровью, а остальные, поджав хвосты, стремглав бросились обратно.

Сделав крутой разворот в вихрях снега, упряжки остановились неподалеку от снежных жилищ, из которых появились встревоженные эскимосы и, выпрыгнув из саней, егеря почти в упор начали расстреливать обезумевших от страха людей. Поливая их градом свинца и весело скалясь. Потом, перепрыгивая через еще шевелящиеся тела и добывая их выстрелами в головы, солдаты подбежали к темным входам в иглу и, одну за одной, выдергивая шнуры из рукояток, стали швырять вниз гранаты.

Через полчаса все было кончено. На окровавленной площадке перед иглу и чуть дальше, в скалах, лежали убитые эскимосы, среди которых, изредка перебрасываясь гортанными словами, бродили егеря. Изредка кто-нибудь из них снова вскидывал автомат и гремела короткая очередь.

По приказу Ланге, Мольтке с двумя солдатами обследовал жилища эскимосов и, не обнаружив там живых, выбрались наверх. Внимание капитана привлек лежащий у самого входа белоголовый старик, в откинутой руке которого была зажата необычного вида трубка. Он нагнулся, вывернул ее из окостеневших пальцев и криво ухмыльнувшись, сунул в карман. Истинный ариец любил экзотические сувениры.

После этого егеря разбили у подножия скал палатки, развели перед ними жаркий костер из обнаруженного в яме белушьего жира, до отвала накормили им ездовых собак и занялись ужином.

Вскоре на походных спиртовках были подогреты аргентинские консервы и распарены шведские галеты, по кругу пошла фляга крепкого арманьяка*. А потом в сполохах северного сияния у горящего костра запиликала губная гармошка, исполняя тирольские мотивы. Заливистые и веселые.

Утром небольшой отряд направился в обратный путь.

Разыгравшаяся метель заметала сзади разгромленное стойбище и окоченевшие тела эскимосов. Мужчин с женщинами, стариков и детей.

Задание было выполнено.

Глава 2

В полярных широтах

16 августа 1942 года, карманный линкор Третьего рейха «Адмирал Шеер», под командованием капитана 1 ранга Вильгельма Меендсен-Болькена, вышел из Нарвика и взял курс в полярные широты.

Он был вторым кораблем этого класса, построенным на морской верфи в Вильгельмсхафене в рамках ограничений, предусмотренных Вашингтонскими соглашениями, согласно которых водоизмещение военных кораблей не должно было превышать 10.000 тонн.

Однако в нарушение этих условий, полное водоизмещение линкора составляло более 16.000 тонн, что давало ему значительное превосходство перед кораблями аналогичного класса других стран. «Адмирал Шеер» был вооружен шестью 283 – миллиметровыми орудиями, размещенными в двух бронированных башнях на носу и корме. Помимо этого, его огневая мощь дополнялось восемью 150- миллиметровыми орудиями, скорострельными зенитными пушками и автоматами, а также несколькими торпедными аппаратами.

Силовая энергетическая установка мощностью в 54.000 лошадиных сил, обеспечивала кораблю скорость хода до 28 узлов и практически неограниченную дальность плавания.

В его бронированном, крупновской стали* корпусе, в метрическом пространстве башен, казематов, выгородок и отсеков, расчетливо и мудро были установлены тысячи механизмов и приборов. Одни являлись простыми, неприхотливыми и легко заменимыми. Как тот ключ, что предназначен для отдачи запорных клапанов торпед. При поломке он мог быть восполнен в бою запасным, в любую минуту. Другие же, например, гирокомпасы,* наоборот – были сложными, капризными и ценными. Они покоились в специальных жестких конструкциях внутри полых шаров и плавали в чистейшем спирте, обеспечивающем их существование. Все эти приборы на рейдере* имели свою ценность и предполагали ту или иную степень ухода.

Помимо неодушевленных, на «Адмирале Шеере» находилось 1150 живых механизмов. Они тоже имели свои различия. Комендор башенного орудия – был груб, неприхотлив и крепок. Ему нипочем холод и жара артиллерийского каземата. Он как, правило, являлся матросом или унтер-офицером, который спал в брезентовой подвесной койке, питался из общего бачка и при выходе из строя мог быть мгновенно заменен.

Другие – офицеры рейдера, были капризны, хрупки и ценны. Они содержались в уютном покое кают и салонов, где мягкий свет и чистый воздух, ели из фарфоровой посуды и предполагались для длительного использования.

Матроса в кригсмарине готовили за год, а офицера шлифовали, выверяли и лелеяли десятки лет. И все это велось со времен Кайзера*.

Выход рейдера в море обуславливался началом очередной стратегической операции немецкого командования на море, под кодовым названием «Вундерланд».

План операции был разработан еще в феврале 1942 года, в штабе гросс-адмирала Редера и доложен лично Гитлеру, благословившему ее проведение.

В соответствии с планом, перед «Адмиралом Шеером» ставилась небывалая задача – пройти Северным морским путем, уничтожая все советские и союзнические суда, идущие в Мурманск, а заодно разгромить базу с метеостанцией на острове Диксон.

Северным морским путем немцы интересовались давно, и еще в Первую Мировую войну их подводные лодки активно действовали в арктическом бассейне. Уже тогда Германией началось сооружение там строго засекреченных объектов, предназначенных для боевых действий подводных лодок. Осуществлялось оно рядом немецких фирм под видом норвежских и шведских рыболовных предприятий.

После поражения Германии в Первой мировой войне эти базы были временно законсервированы, но с началом новой, строительство их возобновилось.

На одну из них, главную, и носящую в штабе название «Викинг», в ходе боевого похода и предстояло зайти «Адмиралу Шееру», для доставки туда очередной партии боеприпасов, горючего и продовольствия.

На этот счет капитан 1 ранга Меендсен-Большен получил личные инструкции руководившего действиями кригсмарине в Заполярье адмирала Губерта Шмундта.

Помимо прочего, они заключались в необходимости захвата в плен экипажей потопленных советских судов, в целях получения разведывательных сведений о судоходстве и инфраструктуре русских в Заполярье.

– Определенная информация о Северном морском пути у нас имеется, – заявил Шмундт, размеренно прохаживаясь по кабинету. – Ее собрал вспомогательный крейсер «Комет» в 1940 году, плавая в полярных широтах.

Однако по данным «абвера»*, интенсивность судоходства противника там сейчас существенно возросла. Следовательно, нам нужны дополнительные сведения.

И учтите, Вильгельм (вздернул подбородок), никаких записей, касающихся посещения «Викинга», в вахтенном журнале корабля быть не должно. А теперь последнее. От имени фюрера, вы вручите командиру группы базирующихся там лодок – капитану 3 ранга Отто фон Майеру Железный крест 1-го класса, которым он награжден за боевые действия в Северной Атлантике. Насколько я осведомлен, вы знакомы.

– Да, экселенц*, – кивнул головой с пробором Меендсен-Большен. – Он мой младший сокурсник по морскому училищу в Киле, и я буду рад выполнить это поручение.

– И так, за дело, капитан. Нас ждут великие свершения!

Спустя трое суток, распрощавшись с эсминцами сопровождения и миновав северную оконечность Новой Земли, «Адмирал Шеер» благополучно вошел в Карское море. В отличие от штормового Баренцева, оно было спокойным и сплошь покрытым трудно проходимыми ледяными полями.

Пришлось поднимать в воздух палубный самолет «Арадо» и отправлять его для поиска прохода. Через несколько часов проход был найден, рейдер вышел на чистую воду и, завывая турбинами, двинулся в район пролива Ветлицкого, где по сведениям разведки ожидалось появление союзных кораблей, идущих с военной техникой и боеприпасами в северные порты русских.

Примерно в это же время, взяв курс на архипелаг Северная Земля, с острова Диксон вышел советский ледокольный пароход «Сибиряков». С началом войны он был включен в состав Беломорской военной флотилии и использовался для доставки различных грузов, а также специалистов на арктические базы и метеостанции.

Построенный на британской верфи в 1907 году, ледокол имел водоизмещение в 1383 тонны, был вооружен двумя 76-мм орудиями, парой «сорокапятков»* и несколькими «эрликонами»*. Экипаж корабля состоял из тридцати двух краснофлотцев, под командованием старшего лейтенанта Анатолия Алексеевича Качарава. Это был опытный и смелый судоводитель, в совершенстве владевший искусством плавания в арктических широтах.

На Диксоне ледокол принял груз строительных материалов, оборудования и продовольствия, необходимых для строительства метеостанции на островах Северной Земли, группу военных синоптиков, предназначенных для работы на ней, а также бригаду строителей. Всего на борту находилось сто десять человек. Включая членов команды.

Море встретило корабль низкой облачностью, густым туманом и штормом, в связи, с чем командир усилил верхнюю вахту и сам не покидал ходовую рубку корабля.

На следующий день метеообстановка улучшилась, и старший лейтенант спустился в кают-компанию пообедать. Однако настроение у него было мрачное. В последнее время в

Баренцевом и Карском морях отмечалась повышенная активность немецких подводных лодок, а отбункеровавшийся на Диксоне ледокол немилосердно дымил, оставляя за собой жирный шлейф дыма. По этому поводу он даже сделал внушение сидящему напротив, за столом механику.

– А что я могу сделать? – развел тот руками. – Машина у нас старая, а уголь далеко не кардиф*.

Впрочем, после горячего наваристого борща и макарон по-флотски, настроение командира заметно улучшилось, и он даже похвалил буфетчицу.

– Справедливо, – прогудел допивавший компот механик. – Хороший кок на судне, большое дело. Вот был до войны у нас случай, в Соломбале*. Я тогда механиком на сейнере ходил. И был там поваром татарин – Муса. Все на камбузе пасьянсы раскладывал. Как ни зайдешь, сидит, морщит лоб и над картами маракует. Мы с ним замучились – как только обед, ничего не готово.

– Муса! – кричат ему ребята, – где жратва?

А он, – чичас! – и ноль внимания.

– Те торопят, – давай обед, нам на вахту!

– Э-э, вашу маму, – шипит Муса, бросает в сердцах карты и начинает шуровать на камбузе.

Через полчаса выглянет из раздатки и прорычит, – на первый зуп – гречка, на второй каша – гречка! Забирай дарагой! Нэ задэрживай!

Так мы и питались всю путину*: «зуп-гречка, каша-гречка» или «зуп-пшенка, каша-пшенка». Думали совсем дойдем до ручки. Заставить приготовить что-нибудь другое, кока было невозможно.

Ну, ребята озлились и решили его проучить. На подходе к базе сговорились и намочили уксусом бумажки в галюне. Утром Муса наведалься туда и через пару минут, вылетел как метеор. Вломился на камбуз, заперся и взвыл не своим голосом.

В чем дело? – удивились парни и кулаками в раздатку. Тот ее открывает, и, придерживая штаны руками орет, – а-а цволич, билат, зарэжу! А потом плюхается казенной частью в лагун с водой. Ржали мы все до упаду. А как только пришвартовались, Муса забрал свой паспорт у помощника и ходу. Даже расчета не взял. Такое вот дело.

Видя, что его байка понравилась, механик крикнул и хотел было начать другую, но в это время старшего лейтенанта срочно вызвали на мостик.

– Лево шестьдесят, неизвестный корабль, – встревожено доложил старпом.

– Что за черт? – пробормотал Качарава, вскидывая к глазам бинокль, – здесь не должно быть никаких судов. Насколько мне известно.

Между тем, на смутно виднеющейся вдаль громадине, заработал ратьер*.

– Читай! – бросил старший лейтенант усатому вахтенному сигнальщику.

– Ничего не пойму, товарищ командир, какая-то «абра-кадабра», – произнес тот, напряженно всматриваясь в быстро чередующиеся вспышки.

Радист! – приказал по переговорному устройству Качарава, – немедленно свяжитесь с Диксоном. Запросите наличие судов в этом районе.

– Товарищ командир, связь затруднена, корабль нас глушит, – доложил через минуту со своего поста радист.

– Все ясно, – скрипнул зубами Качарава. – Это немец. Старпом, боевая тревога! Орудийные расчеты наверх!

Напряженную тишину в рубке разорвали колокола громкого боя и грохот матросских сапог по трапам.

Неизвестный корабль выбросил белесую шапку дыма, взял курс на «Сибирякова» и через секунду над его рубкой с шорохом пронесся первый снаряд. Разорвавшийся далеко сзади.

В ответ ударили пушки ледокола.

Неравный бой длился недолго. Несколько, следовавших за пристрелочным выстрелом залпов крейсера, разрушили сначала носовые, а затем и одно из кормовых орудий советского корабля. На палубе взорвались бочки с бензином, и начался сильный пожар. Подойдя на расстояние в двадцать кабельтовых, рейдер принялся расстреливать ледокол практически в упор, не обращая внимания на его ответный огонь, ведшийся из оставшейся «сорокопятки» и зенитных пулеметов.

За это время радиостанция «Сибирякова» успела послать в эфир сообщение о том, что он ведет бой с вражеским крейсером, после чего вышла из строя.

Когда по приказу тяжело раненого Качаравы механики открыли кингстоны горящего корабля, и тот стал погружаться в пучину, оставшиеся в живых спустили за борт две спасательные шлюпки, надеясь добраться на них до острова Белуха, находившегося в десятке миль от места сражения.

Однако первая из них была расстреляна зенитными установками крейсера, а вторая взята на аборт командой спущенного с его борта катера.

И здесь, практически безоружные русские моряки вновь оказали сопротивление, в результате которого трое из них погибли, а оставшиеся двадцать, были пленены и доставлены на рейдер.

Когда на месте гибели «Сибирякова» осталась бешено вращающаяся воронка с лопающимися на ее поверхности пузырями и остатками догорающего бензина, «Адмирал Шеер» привел орудия главного калибра в исходное и, набирая ход, взял курс на Диксон.

Через час, в технологический отсек трюма, куда поместили остатки команды ледокола, в сопровождении лейтенанта-переводчика и вооруженной охраны спустился Меендсен-Болькен.

– Встать свиньи! – заорал здоровенный унтер-офицер с автоматом и пинками поднял на ноги, мрачно сидевших у переборки пленных.

Некоторое время капитан 1 ранга брезгливо разглядывал мокрых и обожженных пленных, а затем издал возглас удивления. Среди них была молодая светловолосая женщина в форменном кителе и черной короткой юбке.

– Макс, – кивнул Меендсен-Болькен молчаливо стоящему переводчику, – спросите у фрау, кто она?

Тот, сделав шаг вперед, задал вопрос и женщина, с вызовом глядя на немцев, что-то ответила.

– Она военный врач и была приписана к кораблю русских.

– Да, неважно у них обстоят дела, – хмыкнул командир. – А фрау совсем недурна, не так ли, Макс?

– Так точно, господин капитан. Я бы сказал даже наоборот. Красива.

– А теперь спросите, есть ли среди этого сброда командир или кто-нибудь из его помощников?

С трудом подбирая слова и картавя, лейтенант задал очередной вопрос. Сгрудившиеся у переборки люди молчали.

– Не желают отвечать, – пожал плечами он. Все они явно коммунистические фанатики.

– В таком случае, прикончите вот этих двух, – указал капитан на стоящих крайними пленных.

Лейтенант вытащил из кобуры парабеллум, взведя затвор, подошел к морякам и хладнокровно прострелил обоим головы.

– Похвально, Макс – ухмыльнулся Меендсен-Болькен, – вы отличный стрелок. А теперь, повторите вопрос. Уверен, они станут сговорчивее.

На этот раз один пленных стал что-то бормотать, указывая обожженной рукой на убитых.

– Он говорит, что я пристрелил штурмана, а командир со старпомом погибли во время боя.

– Хорошо. Как называлось их судно, куда оно следовало и что ему известно о военном гарнизоне на Диксоне.

Пленный вновь заговорил, а когда он закончил, лейтенант сообщил, что крейсер уничтожил ледокольный пароход «Сибиряков», следовавший с грузом в Архангельск. На Диксоне же имеются несколько артиллерийских батарей и до батальона пехоты.

Меендсен-Болькен хмыкнул и недовольно нахмурился. По его сведениям, полученным перед выходом в штабе от Шмундта, силы русских на острове были меньшими на порядок.

– Макс, организуйте допрос всех пленных отдельно и о результатах доложите мне немедленно, – приказал он лейтенанту. – А фрау поместите под охрану в лазарет. Я с ней позже пообщаюсь.

К Диксону рейдер подошел 27 августа, глубокой ночью, тщательно соблюдая правила радиомолчания и светомаскировки.

Этот небольшой скалистый клочок суши, расположенный в северо-восточной части Карского моря, являлся одной из опорных баз Северного морского пути со всей необходимой инфраструктурой, обеспечивающей его бесперебойную деятельность по проводке грузов военного назначения.

Учитывая важность острова, он охранялся тремя береговыми батареями. Однако две из них были демонтированы для переброски на вновь создаваемую Новоземельскую военноморскую базу, и в строю оставалась лишь одна, да и то укомплектованная личным составом всего наполовину. Именно с нее и был обнаружен крадущийся к Диксону рейдер.

В гарнизоне объявили тревогу, и все имеющиеся боевые средства, были изготовлены к бою.

Обойдя остров с юга, «Адмирал Шеер» малым ходом двинулся к порту и с расстояния в тридцать кабельтовых* открыл по нему интенсивный огонь из орудий главного калибра. Крейсера немедленно ответили орудия береговой батареи и стоящего в порту сторожевого корабля. Получив два попадания в корму, на которой вспыхнул пожар, рейдер прикрывшись дымовой завесой и отошел с внешнего рейда. Атака была отбита, но в ее результате, в порту и поселке возникли пожары. Горели причалы, угольные склады и цистерны с мазутом.

Вторую бомбардировку острова «Адмирал Шеер» предпринял через три часа, обойдя его с севера. Однако подавить артиллерийскую батарею и СКР* ему не удалось и, получив очередной снаряд в надстройку, рейдер, несолоно хлебавши, скрылся за туманным горизонтом.

Дальновидный гросс – адмирал Редер, главком кригсмарине, отлично понимал стратегическое значение Мурманска и арктических коммуникаций для Советского Союза, в связи с чем задолго до начала боевых действий заблаговременно, любыми способами, стремился организовать контроль за районами новоземельских проливов и Северным морским путем.

Еще летом 1939 года, в Карском море проводило гидрографическую экспедицию советское зверобойное судно «Мурманец». На его борту находились научные сотрудники ленинградского Арктического института.

Но... все они говорили по-немецки и жили в отдельном отсеке, куда вход членам экипажа категорически возбранялся. В это же время, несколько самостоятельных партий той же экспедиции работали на архипелаге Норденшельда и островах Свердруппа, Сидорова и Геркулеса.

Именно в эти места, к архипелагу Норденшельда и шел полным ходом «Адмирал Шеер». Туда, в залив Волчий, ему предстояло доставить запас торпед, горючего и продовольствия для подводных лодок кригсмарине из группы «Викинг».

Мрачное побережье залива со свинцовой рябью волн, открылось перед рейдером на третьи сутки плавания. Следуя вдоль него самым малым ходом, и включив эхолот*, он подошел к одной из окруженных заснеженными скалами бухт.

– Стоп машины! Отдать носовой! – приказал стоящий в меховой куртке на верхнем мостике Меендсен-Болькен, и вскинул к глазам морской бинокль.

По палубе загремели ботинки швартовой команды, в черную воду залива, гремя смычками, рухнул один из корабельных якорей и, пройдя по инерции сотню метров, парящая, в камуфляжной раскраске громадина застыла на месте.

Через минуту в скалах волчьим глазом вспыхнул ратьер*, и в сторону «Шеера» понеслись проблесковые вспышки.

«Поздравляем с благополучным прибытием», – прочел их, находящийся рядом с командиром вахтенный рулевой сигнальщик.

Вслед за этим, из бухты появился моторный катер и, рассекая густую воду, понесся к рейдеру.

На подходе он резко сбросил ход, заложил крутой вираж и приткнулся к бронированному гиганту. С борта линкора сбросили штормовой трап, по которому на палубу поднялся одетый в штормовку и меховые сапоги человек.

– Отто! Как я рад тебя видеть! – заключил его в дружеские объятия, спустившийся с мостика Меендсен-Болькен и представил незнакомца окружившим их офицерам.

– Господа! У нас на борту мой однокашник и один из лучших подводников Рейха, капитан 3 ранга Отто фон Майер. По этому поводу вечером в офицерской кают-компании состоится праздничный ужин. Ты не возражаешь, Отто? – взглянул на прибывшего.

– Отнюдь. Мне чертовски надоели консервы и шнапс, и я не прочь отведать баварских сосисок с пивом, – рассмеялся тот.

– В таком случае, за работу, господа. Старший офицер! Приготовить все корабельные устройства и начать выгрузку боезапаса с топливом. Отто, тебе понадобятся наши баркасы для их доставки на берег?

– Да. Но торпеды мои парни будут принимать в отсеки прямо с корабля. Что экономит время и горючее.

После этого хозяин с гостем, оживленно переговариваясь, проследовали в надстройку и уединились в командирском салоне. Обширном, теплом и уютном.

Там, попросив гостя снять верхнюю одежду и усадив его в мягкое кресло, Меендсен-Болькен передал фон Майеру пакет от адмирала Шмундта.

– В нем подробные инструкции, – сказал он. – По сведениям нашей разведки, в настоящее время из Архангельска в Мурманск вышел крупный транспортный конвой американцев и англичан с грузами для русских. Его следует уничтожить.

– Надеюсь, мы будем действовать вместе? – поинтересовался капитан 3 ранга.

– К сожалению нет, мой друг. Мне предписано вернуться в базу.

– Ну что ж, придется пустить их на дно самостоятельно, – ухмыльнулся фон Майер. – Устроим очередную охоту. А теперь, Вильгельм, хочу показать тебе нашу базу. Чтоб ты имел представление о группе «Викинг».

– С удовольствием, – ответил капитан 1 ранга, после чего они выкурили по душистой «гаване», вспомнили годы совместной учебы, и, одевшись, покинули салон. Мягко ступая по ковру обители капитана.

Между тем, выгрузка боезапаса на «Адмирале Шеере» шла полным ходом.

У борта рейдера уже была пришвартована подводная лодка серии «тип VII», с белеющей на рубке химерной головой Горгоны*, команда которой принимала торпеды с его палубы. На надстройке субмарины слышались глухие команды, время от времени утробно звучала лебедка. Здесь же, у кормы, грузились бочками с горючим, опускаемыми в сетках, два корабельных баркаса.

– Надеюсь, старый Шмундт не пожалел для нас новых торпед, а Вилли? подмигнул Меендсен-Болькену фон Майер.

– Не пожалел Отто, – потрепал его по плечу собеседник. – Больше половины из них электрические, с акустической аппаратурой наведения.

Доставленное оружие действительно были чудом германской военной мысли.

Созданная на базе торпеды с электрическим двигателем, новая, получившая название Т-IV, не шла ни в какое сравнение с прежними образцами. Перед запуском в нее вводились стрельбовые данные: глубина хода, курсовой угол и скорость. Они выводили торпеду в точку захвата вражеского корабля гидрофонами, где включался боевой режим аппаратуры самонаведения, и у цели практически не оставалось шансов уцелеть. Удар был точным и разрушающим.

Понаблюдав несколько минут за разгрузкой, оба командира спустились в стоявший у трапа катер, застывший на его носу матрос оттолкнулся от борта отпорным крюком и, взревев двигателем, катер понесся в сторону бухты.

Удобное место для твоих лодок! – оглядывая нависшие над ней мрачные скалы и ежась от ледяного ветра – прокричал Меендсен-Болькен. – Настоящее волчье логово!

– Отличное сравнение! – оскалился фон Майер.

Через несколько минут катер ткнулся носом в плавучий пирс у берега, у которого стояла еще одна субмарина с работающими дизелями. На ее палубе несколько моряков вооружали торпедопогрузочный лоток.

– Это моя вторая лодка, – гордо сказал фон Майер. – А третья находится на позиции.

Миновав пирс, офицеры оказались на берегу, у кромки которого, под камуфлированной сетью, призрачно светилось иллюминаторами и парило среднего тоннажа судно.

– Ведь это плавбаза? Откуда она здесь? – удивился Меендсен-Болькен.

– Из Швеции. Значится затонувшей в Северном море в начале войны. На ней мы и живем. А вот там, – указал фон Майер в сторону ближайших скал, – в пещерах у нас склады горючего и продовольствия.

– В пещерах? – округлил глаза капитан 1 ранга. – Немыслимо!

– Да. Наши предшественники обнаружили здесь целые подземные лабиринты. С гротами и термальными источниками. Настоящее царство Вотана. Помнишь, как в древних германских рунах?

*«Легко отгадать,
где Одина дом,
посмотрев на палаты:
стропила там – копьа,
а кровля – щиты
и доспехи на скамьях»*

процитировал он. – И оборудовали все это под склады и хранилища. Мы пришли практически на обжитое место.

– И кто же этим всем занимался?

– Ведомство Канариса, через подставные шведские фирмы. И такие базы разбросаны у нас по всей Арктике, о чем русские до сих пор не догадываются. Есть также ледовые аэродромы и метеостанции.

– Насчет последних я осведомлен, но такую базу вижу впервые.

– Для этого нужно служить в подплаве, мы всегда прячемся в укромных местах. А теперь предлагаю взглянуть на наши подземелья, они того заслуживают.

Вслед за этим спутники направились к скальному массиву и, пройдя сотню метров по деревянному настилу, остановились перед глухими железными воротами в нем. Фон Майер нажал кнопку звонка, где-то в глубине скалы послышалось журчанье электромотора, и одна из металлических створок покатила в сторону.

За ней оказались егерь в зимнем камуфляже и с автоматом, который при виде начальства щелкнул каблуками, вскинув руку в нацистском приветствии, после чего доложил. – Обер-лейтенант Мольтке! К вашим услугам!

– Это мой комендант, – представил офицера фон Майер. – Гюнтер, сопроводите нас.

– Слушаюсь! – рявкнул тот. – Прошу следовать за мной.

Меендсен-Болькен был поражен открывшейся перед ним картиной.

Обширная, созданная природой в скале, пещера была ярко освещена исчезающими за поворотом, подвешенными на кабелях фонарями, в лучах света которых искрились свисающие с ее свода сталактиты.

– Она восхитительна и является началом целого лабиринта, – с гордостью произнес фон Майер и пригласил гостя следовать за собой. Офицеры двинулись вперед, ступая по дощатому трапу, рядом с которым была проложена узкоколейка.

– По ней мы доставляем боезапас и горючее в хранилища, – перехватив взгляд гостя, – сказал Мольтке. – А вот, кстати, и первое из них. С торпедами.

В низком сухом гроте, у стоящих вдоль стен стеллажей, на которых лежали серебристые сигары, колдовали несколько моряков в черных комбинезонах.

– Господин капитан! – вытянулся перед вошедшими бородатый унтер-офицер, – дежурное отделение занимается вентиляцией электроторпед!

– Вы готовы к приему новой партии, Эрих? – поинтересовался фон Майер.

– Так точно! – заявил бородач.

– Продолжайте, – кивнул головой капитан 3 ранга.

– Дальше, по ходу, склады с горючим и продовольствием, – обернулся он к Меендсен-Болькену. Но я хочу показать тебе, Вилли, наши термальные источники. Этот архипелаг, безусловно, вулканического происхождения. Наверху льды и арктический холод, а в недрах отголоски великого катаклизма.

Выйдя из грота, спутники направились дальше и вскоре оказались у разветвления пещеры. Левое уходило вниз, а правое преграждалось металлической дверью.

– Что за ней? – поинтересовался Меендсен-Болькен.

– Камеры, – с готовностью ответил обер-лейтенант. – Мы содержим в них пленных, захваченных в тундре и на море, используя для тяжелых работ. К сожалению, эти скоты очень быстродохнут.

– Я пополню вашу рабочую силу, Отто, – хлопнул фон Майера по плечу капитан 1 ранга. – У меня на борту два десятка русских, с потопленного ледокола. Прими их в дар. Кстати, среди пленных, молодая женщина – врач. Настоящая валькирия*.

– С удовольствием, Вилли, это очень кстати. Мы, завершим, наконец, обустройство нашей термальной станции. А русская валькирия будет делать мне ванны и минет. Как когда-то француженки в Париже.

– Ха-ха-ха! – рассмеялись офицеры, и эхо гулко отдалось в высоких сводах.

За очередным поворотом их взорам открылась обширная, вырубленная в скальном массиве камера, в центре которой, пузырились несколько парящих источников. Рядом, на бетонном основании, находился дизель-генератор и насосная установка.

– С их помощью мы подаем горячую воду наверх, – сказал обер-лейтенант Мольтке.

– И используем ее для отопления плавбазы, а также нужд личного состава. Кстати, вода источников чертовски бодрит, хотя и отдает сероводородом.

Подойдя к одному из источников, Меендсен-Болькен нагнулся, опустил палец в бурлящую воду и тут же его одернул.

– Чертовски горячо! – воскликнул он. – В ней вполне можно варить яйца!

– Что и делают наши коки, – улыбнулся фон Майер. – После войны, Гюнтер мечтает построить здесь санаторий для ветеранов кригсмарине и «эдельвейса». Тем более что в водах

залива полно рыбы, а на побережье многочисленные лежбища морского зверя. Отличный активный отдых! Я уж думаю, не вступить ли мне с ним в долю?

– Вполне с вами согласен, – заявил капитан 1 ранга. – Арктика неисчерпаемый источник ресурсов для великого Рейха. И у нее большое будущее. Я очень доволен экскурсией, господа! – обвел спутников взглядом.

– В таком случае, поднимемся наверх, Вильгельм?

– Да, Отто, следует проверить, как идут работы.

Когда они вышли на поверхность, над заливом опустились густые сумерки и в неверном свете корабельных люстр, от рейдера, в сторону базы, скользила закончившая погрузку субмарина, по-волчьи мигая ходовыми огнями, а на ее место, тихо постукивая дизелями, швартовалась вторая.

У пирса, в ледяном крошечке, размеренно покачивались два баркаса, с которых одетые в лохмотья изможденные люди, подгоняемые окриками и пинками вооруженных матросов, выгружали бочки с горючим и ящики с продовольствием.

– Ну что ж, – удовлетворенно хмыкнул Меендсен – Болькен. – Насколько вижу, работы идут полным ходом. Сейчас я возвращаюсь на корабль и прикажу доставить оттуда русских моряков. А тебя Отто, в 22.00, вместе с офицерами базы жду в кают-компании. И непременно в парадной форме. Будет зачитан приказ фюрера.

Ровно в двадцать два часа, офицеры «Адмирала Шера» и группы «Викинг» собрались в обширной кают-компании рейдера.

Накрытый востовыми стол, ломился от обилия всевозможных деликатесов, холодных закусок и блюд, среди которых искрились бутылки французского коньяка и шампанского. Присутствующие весело переговаривались и с вожделием поглядывали на все это изобилие.

– Господа, прошу внимания! – поднялся сидящий на командирском месте, облаченный в парадный мундир с кортиком Меендсен-Болькен.

Все затихли и усталились на высокое начальство.

– За заслуги перед Рейхом, приказом фюрера, капитан 3 ранга Отто фон Майер награжден Железным крестом 1-го класса. Мне поручено вручить ему эту высокую награду!

Меендсен-Болькен принял из рук своего старшего помощника обтянутую черной кожей небольшую коробочку с орлом и свастикой на крышке, и торжественно протянул ее вставшему рядом фон Майеру.

– Я счастлив, Отто, что удостоен чести вручить тебе столь высокую награду, – сказал он, пожимая ему руку. – А теперь, твое ответное слово.

– Господа! – вскинул подбородок капитан 3 ранга. – Я благодарен нашему божественному фюреру за столь высокую оценку моих скромных заслуг. Обязуюсь с еще большим рвением служить великому Рейху, громя его врагов на море! Хайль Гитлер!

– Хайль! – выбросили руки в нацистском приветствии, тут же вскочившие со своих мест офицеры.

Затем последовали тосты за победу, во славу великой Германии, здоровье фюрера, и через час торжественный ужин превратился в банальную пьянку.

На одном конце стола до хрипоты спорили о дате окончания войны, на другом цинично обсуждали достоинства парижанок, а подводники нестройно затянули гимн Хорста Весселя

*Знамена вверх!
В шеренгах плотно слитых,
С.А. идут,
Спокойны и тверды,
Друзей, Ротфронтом,
И реакцией убитых,*

*Шагают
В наши встав ряды!*

орали они, стуча бокалами и кулаками по крышке стола.

– Вилли, – пьяно, бормотал фон Майер, обнимая Меендсен-Болькен за плечи – мне чертовски надоело сидеть в этой дыре. Я хочу домой, в Фатерлянд. Давай выпьем.

Вслед за этим он неловко потянулся к стоящей рядом бутылке, потерял равновесие и рухнул с кресла.

– Клаус, – наклонился Меендсен-Болькен к сидящему рядом осоловевшему старшему офицеру, – наш герой устал. Организуйте доставку его на берег. И проследите что б эти свиньи, – кивнул он в сторону орущих подводников, – не облевали кают – компанию.

Ранним утром, провернув оружие и механизмы, рейдер развел пары и, огласив бухту ревом доисторического чудовища, исчез в туманной мгле.

Этим же вечером, подводные лодки Майера, следуя друг за другом в кильватере, вышли из залива и взяли курс в Баренцево море, где, согласно полученным инструкциям, ожидалось появление идущего в Мурманск конвоя. Там им надлежало встретиться еще с тремя субмаринами группы «Викинг», развернуть завесу и устроить охоту на суда каравана.

В проливе Карские ворота, гидроакустик U-113, следующей под командованием Майера, услышал шум винтов идущего вдоль побережья судна.

– Классифицируйте цель и ее параметры! – приказал капитан 3 ранга.

– Предположительно сухогруз. Скорость хода шесть узлов, курс по пеленгу 2–6, дистанция три тысячи метров! – доложил акустик.

– Боевая тревога! Всплываем на перископную глубину! – скомандовал фон Майер, и тишину отсеков разорвал звон боевой трансляции, с топотом матросских каблучков и звоном переборки.

Откинув рукоятки управления перископом, командир обхватил их ладонями и приник глазом к пористой резине окуляра.

Сначала в нем возникли прыгающие гребни волн, а затем смутные очертания идущего вдали судна. Это был морской буксир, тянущий за собой тяжело груженую баржу.

– Торпедная атака! Аппараты 1 и 3 к выстрелу приготовить! – не отрываясь от перископа, рявкнул фон Майер. – Механик, увеличить обороты! Боцман, курс 2–6, следовать на пересечение с целью!

В лодке завывли электромоторы, и она рванулась вперед.

Через пятнадцать минут контуры судна прояснились, наплыли на сетку перископа и последовала команда, – пли!

Субмарина дважды вздрогнула, штурман включил хронометр и на десятой секунде, один за другим, раздались далекие взрывы.

– Еще одним коммунистом меньше, – скривив губы, процедил фон Майер. – Боцман, всплываем! Помощник, комендорам приготовиться к выходу наверх!

Когда, вспучив столб воды, черная рубка U-113 возникла на поверхности, охваченные пламенем суда погружались в воду, и с них, в пляшущие на волнах шлюпки, прыгали люди.

Поднявшись на мостик, капитан 3 ранга одобрительно хмыкнул и приказал выскочившим на палубу комендорам расчехлить и зарядить орудие.

– Малый вперед, – бросил он стоящему рядом рулевому после чего, отвернувшись от встречного ветра, закурил бразильскую сигару. Затем, поднял к глазам бинокль и, видя, что первая шлюпка отошла от пылающих судов, приказал расстрелять ее из орудия. С первого выстрела шлюпка была разнесена в щепки и затонула.

– Отличная работа, – пробормотал фон Майер, скрестив на груди руки, после чего приказал таранить вторую.

Слушаюсь, господин капитан! Но на ней женщины и дети, – доложил, обернувшись рулевой.

– Тем более, – ощерился капитан 3 ранга. – Дети, это будущие солдаты!

Кованый форштевень проломил борт шлюпки, и ее пассажиры с криками и плачем посыпались в воду. Субмарина прошла по ним, рубя винтами обезумевших от ужаса людей. Молодой женщине, с грудным младенцем в руках, удалось каким-то чудом уцепиться за один из шпигатов лодки, и она, оцепенев от ужаса, долго тащилась за кораблем. Когда он исчез в пучине, на поверхности остался розовый детский чепчик...

Глава 3

На островах Новой Земли

Полярная ночь накрыла своим темным крылом все арктическое побережье. В ночном сумраке, изредка освещаемом сполохами северного сияния, по его водным пространствам дрейфовали ледяные поля, а на суше призрачно маячили заснеженные сопки вперемешку со скалами и пуржила сливающаяся с небом бескрайняя тундра.

На берегу одного из многочисленных фиордов Северного острова Новой Земли, в причудливом нагромождении скал, неприметно расположился пост Службы наблюдения и связи Северного флота.

Этот арктический архипелаг, затерянный между Карским и Баренцевым морями, растянувшийся на девять сотен километров, состоял из двух больших (Северный и Южный), а также ряда мелких островов. Первые два разделялись между собой трехкилометровым проливом Маточкин Шар, а с юга Новую Землю омывал пролив Карские Ворота.

Архипелаг был открыт в одиннадцатом веке первопроходцами-ушкунниками* из Великого Новгорода, однако до девятнадцатого века, острова оставались практически необитаемыми. У их побережий рыбачили поморы и норвежцы. Впоследствии, российскими властями, туда были переселены несколько ненецких кланов, эвакуированных с началом Великой Отечественной войны на Большую землю.

Пост был далеко не единственным из числа таких же малых гарнизонов, разбросанных на дальних подступах к обороняющемуся от фашистов Мурманску.

В небольшом бревенчатом доме, с расположенной рядом сигнальной вышкой, на которой были укреплены корабельный прожектор и антенна, бессменно несли службу пятеро молодых матросов, под командованием «огребавшего полундру*» шестой год, главного старшины Георгия Юркина.

На жилой половине дома, с ярко пылающей буржуйкой, за деревянным столом сидел чубатый старшина в накинутом на широкие плечи ватнике и, наклонившись к керосиновой лампе, заполнял вахтенный журнал. В дальнем углу, на двухъярусных нарах, храпели два матроса, а из-за тонкой дощатой перегородки, за которой находилась радиостанция, слышался частый писк морзянки – шел очередной сеанс связи.

Через несколько минут он закончился, и в дверном проеме возник радист – старший матрос Александр Вихров.

– Ну, и чего передают? – сунув ручку в чернильницу и закрыв журнал, воззрился на него старшина.

– У острова Вайгач фрицы утопили наш транспорт, – сказал радист и положил перед Юркиным радиogramму. – Приказано усилить наблюдение и повысить бдительность.

Старшина бегло просмотрел написанные каллиграфическим почерком строки и, вздохнув, отложил бумажку в сторону.

– Наблюдение у нас и так круглосуточное, а вот бдительность усилим. Завтра, с утра, занятия по огневой подготовке, а после них стрельбы. Надо потренировать салаг*.

Старшина с радистом были почти одного призыва и успели повоевать.

Юркин в морской пехоте под Новороссийском, где был ранен, вывезен на Большую землю и после госпиталя попал на Северный флот, а Вихров в Архангельске, на морском охотнике, который погиб при сопровождении конвоя.

Остальные трое – Виктор Ларин, Сергей Папанов и Петр Вылко, были первогодки, и попали на пост после окончания Соловецкого учебного отряда.

По распределению обязанностей старшина являлся командиром поста и организовывал несение вахтенной службы, радист, в установленное время выходил на связь со штабом, передавая и получая радиogramмы, а остальные матросы посменно несли службу на вышке, наблюдая в бинокль за водной акваторией.

Один раз в месяц к посту причаливал базовый морской тральщик, обходящий побережье и завозил туда продукты, запасное питание для рации и почту. Вместе с тральщиком, моряков навещал их непосредственный начальник – капитан-лейтенант Пшеничный. Он внимательно просматривал журнал наблюдений, проверял несение вахтенными службы и рассказывал о положении на фронтах.

После этого Юркин неизменно доставал из кармана бушлата заранее приготовленный, сложенный вчетверо тетрадный лист и протягивал каплею.

– Опять? – хмурился тот, и брал бумагу из рук старшины. Потом внимательно прочитывал ее содержание и неодобрительно хмыкал.

– Послушай, старшина, я тебе говорил, что б с такими рапортами ты ко мне не совался?

– Говорили, – набычивался Юркин.

– Так какого хрена ты снова суешь мне эту бодягу?*

– Хочу на фронт. Надоело тут припухать*.

– Твой фронт здесь! – багровел Пшеничный и тряс бумагой перед лицом старшины. Затем успокаивался, аккуратно складывал ее и прятал в нагрудный карман кителя.

– Я доложу командованию.

После этого капитан-лейтенант убывал на очередной пост, и в очередное его появление все повторялось с завидным постоянством.

На следующее утро, после приборки и завтрака, состоящего из надоевшей пшенки с лярдом* и чая с ржаными сухарями, Юркин приступил к занятиям.

На чисто выскобленную крышку стола он положил один из стоящих в пирамиде карабинов, извлеченную из ящика, стоящего под нарами, гранату Ф-1 и по обе стороны, на лавках, рассадил стриженных «под ноль»* подчиненных.

– Матрос Папанов, доложите боевые характеристики и порядок применения гранаты в бою, – обратился старшина к сидящему с краю, веснушчатому парню.

Тот встал, взял в руки ребристую «феньку» и, закатив глаза под лоб, зачастил:

– Оборонительная граната Ф-1, образца 1939 года, предназначена для поражения живой силы противника в обо...

– Реже, реже, Папанов, что ты спешишь, как голый в баню, – недовольно прервал его Юркин. – Отвечай не спеша, четко и ясно, время у нас есть.

– Слушаюсь, товарищ старшина, – шмыгнул тот носом и, в течение нескольких минут толково изложил остальной материал.

– Всем понятно? – спросил Юркин.

– Точно так, – вразнобой ответили моряки. – Понятно.

– Ну и ладушки. А сейчас матрос Вылко доложит нам тактико-технические характеристики боевого карабина. Давай, Вылко.

Теперь из-за стола поднялся приземистый крепыш, с раскосыми глазами и смуглым лицом. Он взял в руки карабин, любовно его погладил и с тоской воззрился на старшину.

– Чего уставился как мышь на крупу? – пробурчал тот. – Давай, докладывай.

– Моя не знает, – обреченно пробормотал Петр, опустив глаза и шмыгнув носом.

Все заулыбались. Коренной житель Севера, бывший охотник и меткий стрелок, Вылко не воспринимал ничего, что касалось теории. Он жил в своем материальном мире где пост, на котором служил – был его жилищем, старшина – начальником, которому следовало подчиняться и высказывать знаки уважения, а карабин – обычным ружьем для охоты. В учебном

отряде, куда попал молодой ненец, сразу поняли, что рулевой-сигнальщик из него не получится, и списали от греха подальше, на дальний пост.

– Ну, так что, Вылко, будешь отвечать? – грозно сдвинул брови Юркин.

– Моя не знает, – робко повторил матрос и тяжело вздохнул. Всем своим видом выражая безысходность.

– Как называется то, что ты держишь в руках?

– Карабин, однако.

– Правильно, молодец. А какой у него калибр?

– Во! – радостно произнес Петр и продемонстрировал всем извлеченный из кармана винтовочный патрон.

– Так, допустим, – пожевал губами Юркин. – А прицельная дальность стрельбы?

– Тысячу шагов, однако! – воскликнул матрос.

– Ну, вот, почти все рассказал, – хмыкнул старшина, – а говоришь, не знаю. Молодец, садись.

Вылко утер ладонью вспотевший лоб и сел на место. Старшина благоволил к нему.

Время от времени, когда приедались надоевшие консервы и крупы, Юркин отправлял Петра на охоту в тундру и тот неизменно возвращался с добычей. Это были жирные полярные гуси, куропатки и зайцы. А однажды, взвалив на лыжи, невозмутимый Вылко притащил на пост тушу молодого оленя, мясо которого очень понравилось морякам. Как в жареном, так и вареном виде.

Завершив теоретическую часть, старшина приказал всем одеться, взять карабины и построиться у поста. Погода способствовала проведению стрельб. Бушевавший ночью на море шторм стих, небо прояснилось, и началась оттепель.

Проинструктировав переминающихся с ноги на ногу моряков, Юркин отдал команду, вслед за чем короткая цепочка в сапогах и черных шинелях, двинулась в сторону ближайшей сопки. Там, у ее подветренной, стороны, моряки быстро оборудовали импровизированное стрельбище, водрузив на обломок скалы десяток консервных банок из прихваченного с собой вещмешка.

Потом Юркин отвел всех на пятьдесят метров в сторону и приказал оттоптать небольшую площадку в снегу.

– Стрельба по неподвижной цели из положения лежа! – скомандовал старшина, когда она была готова. – Матрос Ларин, на огневой рубеж!

– Есть! – звонко ответил тот, после чего сделал два шага вперед, плюхнулся в снег и передернул затвором.

– Матрос Ларин к стрельбе готов!

– Огонь!

Через секунду грянул выстрел, затем, с небольшими промежутками, еще четыре. Все банки оставались на местах.

– Хреново, – процедил Юркин. – Палишь в белый свет как в копеечку. Матрос Папанов, на рубеж, – кивнул он радостно ухмыляющемуся Папанову. Все повторилось в той же последовательности.

– Стрелки, мать вашу! – выругался старшина и обернулся к Вылко. – Петро, покажи этим салагам, как надо!

Тот сдернул с плеча карабин, косолапо шагнул вперед и ловко занял позицию.

Затем, с равными промежутками, стали греметь выстрелы, после которых число банок на скале уменьшилось на пять.

– Видали караси? – похлопал Юркин по плечу, вставшего и смущенно переминающегося с ноги на ногу Вылко. – Вот так должен стрелять советский матрос! А теперь продолжим. Ларин, подмени Вихрова!

Выстрелы у сопки гремели до обеда (результаты стали много лучше), после чего раскрасневшиеся матросы с песней вернулись на пост.

Сделав запись в журнале о проведенных стрельбах, Юркин захватил бинокль и отправился к вахтенному на вышку, остальные занялись чисткой оружия.

Остаток дня прошел в обыденных делах, а вечером, после отбоя, когда все свободные от вахты улеглись на жесткие топчаны, старшина свернул самокрутку, закурил и обратился к лежащему рядом Вихрову.

– Сань, – травани чего-нибудь на сон грядущий.

– Это можно, – чуть подумав, ответил тот. Радист отличался неиссякаемым чувством юмора и в свободное от вахты время развлекал друзей всевозможными морскими байками, которых знал великое множество.

– Наш «охотник» зашел тогда в Полярный, – закинув руки за голову, начал рассказчик. – Ну, и что б братва не бузила, (в увольнения не пускали) замполит решил устроить соревнования с моряками из подплава. Рядом с нами, на пирсе, стояла «щука». Он сходил на нее и поговорил там со своим коллегой. Тот и предложил перетягивание каната. Как самый популярный вид спорта на флоте. После «козла», естественно. Оговорили все вопросы и определили приз – десять банок сгущенки.

Утром, после завтрака, все наши, кроме вахтенных и команда лодки собрались на пирсе.

Боцмана притащили мягкий швартов и растянули по пирсу. Затем с разных сторон за швартов ухватились по десять крепких мореманов и, по знаку судьи, стали тянуть его в разные стороны. А мордовороты еще те, многие «огребали полундру» по седьмому году.

Канат натянулся как струна и с переменным успехом стал ползти то в одну, то в другую сторону. Все это время толпа собравшихся на пирсе болельщиков, подбадривала спортсменов и оглушительно орала. Большинство прочило победу подводникам. Ребята там были поздравше.

Но ни тут-то было, мы пошли на хитрость. Еще до сигнала судьи, трюмный с «охотника» – Вовка Ландик, находившийся среди болельщиков, незаметно захлестнул конец швартова позади нас, за неприметную «утку» на пирсе. И всякий раз, когда победа клонилась на сторону противника, она стопорила ход каната. Это давало нам несколько секунд передышки, и мы тащили его обратно.

В один из таких моментов, когда противник чуть выдохся, наш боцман дал отмашку и, чуть попустив швартов, мы резко рванули его в сторону. Не удержав равновесия, подводники, в полном составе, повалились на пирс и были утащены за роковую черту. Мы уж предвкушали радость победы, но не тут-то было. Ландик не успел освободить швартов и судья засек, что он привязан к «утке». Дело едва не дошло до драки, но помешали офицеры. В итоге Вовку отправили на «губу» и приза нам не досталось.

Но самое интересное то, что «утку» подводники своротили почти напрочь. И это при том, что она рассчитана на удержание корабля!

– М-да, – задумчиво пробормотал старшина, покуривая самокрутку – это все от нервов.

– Как это? – спросил кто-то из молодых.

– А очень просто. При нервном напряжении, сила удваивается. Я сам знаю один такой случай.

– Расскажите, товарищ старшина, – попросил сверху Папанов.

– Стрелять ты Серега не горазд, а байки слушать любишь, – хмыкнул Юркин.

– Да, ладно, Жора, чего там, расскажи, – поддержал матроса Вихров.

Ну, так и быть, слушайте.

Было это в Новороссийске, в самом начале войны. Я тогда служил комендором на эсминце, и мы вышли в море для постановки минных заграждений.

Только пришли в квадрат, а тут из-за облаков тройка «фокке-вульфов»* и прямо на корабль. Делать нечего, командир стал маневрировать, и мы приняли бой. Я был первым номером на зенитном автомате. Ну, гвоздим изо всех калибров по немцам, они по нам. Бомбы ложатся почти у борта, вода кипит, по надстройке то и дело чиркают осколки.

А на корме у нас, под брезентом, снаряженные для постановки мины. Один осколок туда, и пиши пропало. При очередном заходе, одного «фоку» мы сбили, стало чуть легче. И тут вижу, что этот самый брезент горит. И торпедист Лешка Цаплин, пытается его с мин содрать. Не помню, как, но я рядом оказался. Сорвали мы брезент кое-как и в сторону оттащили. А на одной из мин краска пузырится и изнутри дым валит, вот-вот рванет. Что делать?

Схватили с Лехой ее за рымы*, подняли и сбросили за борт. После возвращения командир нас лично поблагодарил и предложил показать на месте, как мы это все проделали. И такую же мину мы не то, что поднять, сдвинуть с места не смогли. Такие вот дела.

– Да-а, – протянул, радист. – Это точно все от нервов.

– Товарищ старшина, – раздался с нар голос Ларина. – А «Отвага» у вас за тот бой?

– Нет, – ответил Юркин. – Ее я уже в морской пехоте получил. А теперь отбой. Всем спать. Утро вечера мудренее.

Через неделю Вихров, ведающих помимо прочего выдачей продуктов, сообщил Юркину, что их в обрез.

– Осталась только крупа, чай и сухари. Хватит дня на три, – заявил радист. – Что-то старлей к нам не торопится. Может дать в штаб радиогамму?

– Пока повременим, – ответил старшина. – Там без нас забот хватает. Завтра с Вылко сходим на охоту, он в соседнем заливе нашел лежбище нерп.

– А разве этого зверя едят?

– Вылко говорит едят, и мясо у них будь здоров. Питательное и вкусное.

– Петька, – подошел Вихров к ненцу, который сидя на корточках у печки, подбрасывал в нее плавник, – а нерпу шамать* можно?

– Ну да, – кивнул тот стриженной головой. – Молодой нерпа очень вкусный. Почти как цыпленок.

– А как ее готовить?

– Мал – мал варить или жарить.

– И все?

– Все. Потом можно кушать. И лучше всего со спиртом, – хитро прищурился матрос.

– Так и быть, дам тебе грамм пятьдесят из «НЗ», – сказал Юркин. Если подстрелишь ее. Эту саму нерпу.

– А почему нет? Подстрелю. Был бы спиртяшка.

На следующее утро, старшина и Вылко, потеплее одевшись и прихватив карабины, на лыжах отправились в сторону невысокой гряды скал, за которыми находился залив, где предстояла охота.

Спустя час их темные фигуры чернели на заснеженном склоне. Поднявшись на гряду, моряки передохнули и, оттолкнувшись палками, заскользили вниз. На берегу, у россыпи скал, они сняли лыжи и, оставив их у приметного валуна, пешком двинулись вперед. Шли осторожно, у самой кромки прибоя. Обходя нагромождения молодого льда, в котором изредка встречались плавник* и водоросли.

Через некоторое время шедший впереди Вылко обернулся к Юркину и указал рукой на открывшуюся перед ними, вдававшуюся в залив, галечную косу. На ее дальней оконечности, в воде, резвился десяток блестящих нерп, а примерно столько же, неподвижно лежали на камнях, время от времени издавая рыкающие звуки.

– Старшина, ты пока оставайся здесь, – прошептал ненец, – а я подойду ближе. Юркин молча кивнул, прислонившись к обломку скалы, а Вылко, сняв с плеча карабин и прячась за

камнями, неслышно стал красться к стаду. Вскоре он исчез из виду, и спустя полчаса оттуда донесся хлесткий выстрел, эхо которого гулко прокатилось над водой.

Когда, оскальзываясь на мокрой гальке, старшина подбежал к месту лежки, Вылко, стоял у туши небольшой нерпы.

– Совсем молодая, однако, – обернувшись к Юркину и довольно щуря узкие глаза, сказал он. – А значит вкусная.

– Молодец, Петро, – улыбнулся старшина, похлопав еще теплого зверя по коричневой шкуре. – Упитанная, килограммов на тридцать потянет.

Затем, ухватив нерпу за хвост, они оттащили ее с косы на берег. Пока Вылко, умело орудуя охотничьим ножом, освежевал тушу, старшина, насобирав поблизости сухого плавника, наладил костер. После этого, вывинтив из карабинов шомпола, они насадили на них по куску печени и поджарили ее над огнем.

– Ничего, – одобрительно констатировал старшина, прожевав сочный кусок. – Есть можно.

Подкрепившись, моряки скрутили по «козьей ножке» и с наслаждением закурили.

– Товарищ старшина, а когда все-таки тралыщик придет? – поинтересовался Вылко. – Нерпы нам надолго не хватит, однако.

– Когда надо, тогда и придет, нахмурился Юркин, сплюнув горькую слюну. – Кончай перекур, давай собираться.

Они аккуратно разделали зверя и, сложив уже подмерзшее мясо в «сидоры»*, медленно пошли вдоль прибойной черты обратно. На середине пути, откуда-то издалека донесся приглушенный расстоянием взрыв.

Моряки резко остановились.

– Никак от поста? – прислушался старшина и тут же заорал. – Живо вперед! Там что-то случилось!

Побросав тяжелые мешки, моряки рванули к скалам...

Проводив взглядами исчезнувших за грядой Юркина с Вылко, оставшиеся занялись текущими делами. Ларин сменил на вышке Папанова, и они вместе с Вихровым отправились на берег за плавником. Сделав несколько ходок, матросы нарубили дров, раскочегарили печь и водрузили на нее ведро со снегом.

После этого Папанов, утомленный предутренней вахтой, завалился спать на угловые нары, а Вихров, насвистывая, стал готовить рацию к очередному сеансу связи.

В это время от двери сильно потянуло сквозняком, старший матрос обернулся и замер. В проеме стоял человек в чужой форме, с направленным на него автоматом.

– Хенде хох! – гортанно произнес он, шагнув через порог. Сзади появились еще двое и тоже вошли в помещение.

Подняв руки, и птясь от них, Вихров прыгнул к пирамиде с карабинами, и тут же прогремела очередь. Радиста отбросило к стене и, хватая руками воздух, он рухнул на пол. А еще через секунду, к ногам стрелявшего, из угла комнаты покатила противотанковая граната, и оглушительно прогремел взрыв. Разворотив все внутри и размазав тела непрошенных гостей по стенам...

Когда Юркин с Вылко, обливаясь потом и загнанно дыша, подошли к посту, он был наполовину разрушен. Рядом с вышкой, в забрызганном кровью снегу, лежал, разбросав руки Ларин, глядя мертвыми глазами в небо. А в сторону фиорда уходила цепочка следов. Четко отпечатавшаяся в проталинах.

– Фрицы, – прохрипел старшина и вытер ладонью заливавший глаза пот. – Разведка.

– Человек пять, однако, – добавил Вылко, внимательно разглядывая следы.

– Идем за ними, на пересечку – выдохнул Юркин, и моряки бросились к расположенной чуть в стороне, каменистой низине.

Немцев они обнаружили, когда те, следуя друг за другом, спускались по осыпи к пригнувшейся у берега резиновой шлюпке. Четверо последних тащили на плащ-палатках два неподвижных тела.

– Своих выносят, гады, – скрипнул зубами старшина. – А ну, давай за мною. И, стараясь не шуметь, по пластунски пополз вперед. Петр следом. Метров через сто, у большого, поросшего лишайником валуна, моряки затаились и приготовились к стрельбе.

– Товарищ, старшина, а в море корабль, однако, – прошептал Вылко.

– Где?

– А вон там, гляди вперед и чуть вправо.

В нескольких сотнях метров, в глубине залива, в сгущающемся мраке действительно неясно просматривалась подводная лодка.

– Ну и хрен с ней, к нам она все равно подойти не сможет. А этих, что приходили, мы сейчас кончим. Значит так. Стреляем по моей команде и только по шлюпке. Понял?

– Угу, – промычал Вылко, прильнув обветренной щекой к прикладу.

Между тем, немцы погрузились в надувную шлюпку и, действуя короткими веслами, стали удаляться от берега.

– Огонь! – приказал Юркин и плавно нажал на спуск. Рядом грохнул карабин матроса.

На шлюпке раздались дикие крики, и она завертелась на месте.

– А! Не нравится, суки! – выматерился старшина, всаживая пулю за пулей в тонущих диверсантов.

В глубине залива блеснули вспышки, и в сторону берега понеслись огненные трассы. Затем они прекратились, и хищная тень растворилась во мраке.

Спустя три дня, хмурым утром, на пост прибыл базовый тральщик с капитан-лейтенантом.

– Да, дела, – хмуро сказал Пшеничный, сойдя на берег вместе с его командиром и выслушав доклад Юркина, рядом с которым переминался замурзанный Вылко с нацепленным на шею немецким шмайсером. – Трофей? – покосился на автомат.

– Воде того, – товарищ капитан – лейтенант, – ответил старшина. – А у меня вот, – похлопал по висящей на поясе треугольной кобуре с парабеллумом. – Когда мы расстреляли лодку с диверсантами, труп одного выбросило прибоем.

– Так значит, говоришь, они были с подлодки? – задал очередной вопрос командир тральщика – худощавый старший лейтенант в штормовых сапогах и канадке.

– Именно, – кивнул чубатой головой Юркин. – Мы с Вылко ее отлично видели.

– Ну да, – подтвердил матрос. – С нее, однако, по нам стреляли из пулемета.

– Неспроста немцы здесь появились, – переглянулись офицеры. – По возвращению доложим командованию. А где похоронили ребят?

– Вон там, – показал старшина рукой в сторону ближайшей гряды за постом. В братской могиле.

– Ведите.

У одной из гранитных скал, рядом с карликовыми ивами, была выложена невысокая пирамида из камней, припорошенная снегом.

– Светлая вам память, ребята, – сдернул с головы мичманку с просоленным крабом* капитан-лейтенант, а остальные молча сняли шапки.

После осмотра разгромленного помещения поста требовавшего основательного ремонта, Пшеничный вместе с Ворониным, так звали командира корабля, приняли решение временно оставить на посту еще пятерых моряков с тральщика, а при очередном заходе доставить сюда новое пополнение и рацию.

Спустя еще час, оставив на берегу усиленную команду, снабженную недельным запасом продуктов, а также пулеметом Дегтярева, сторожевой корабль снялся с якоря и, дав прощальный гудок, ушел в море.

Глава 4

В дебрях Амазонки

Ранним весенним утром 1943 года, рыболовецкий траулер «Нептун», под бразильским флагом, медленно поднимался вверх по течению одного из многочисленных рукавов дельты Амазонки. Стук дизелей глушил крики резвящихся в кронах тропических деревьев обезьян и вспугивал на живописных пляжах целые стаи розовых фламинго.

– Если Бог и создал когда-то райские кущи, то, скорее всего, где-то в этих местах, – произнес стоящий на открытом мостике у штурвала капитан, обращаясь к сидящему рядом в шезлонге рослому мужчине средних лет, в коротких шортах и пробковом шлеме на голове.

– Вы правы, Хайнц, – лаконично ответил тот, обозревая окрестности и невозмутимо попыхивая трубкой.

Хайнц Крюгер был капитан-лейтенантом кригсмарине, натурализовавшимся* в Бразилии в конце 30-х годов по заданию германской разведки и официально владевший несколькими рыболовецкими судами, занимавшимися ловом тунца в Южной Атлантике. Кроме морского промысла, Крюгер выполнял ряд деликатных поручений немецкой резидентуры в Рио-де-Жанейро и в том числе сегодняшнее.

Оно касалось доставки его собеседника, полковника абвера Гюнтера Росса, в одну из немецких миссионерских общин, расположенную в джунглях «Королевы рек».

Берлинский гость был принят на борт «Нептуна» прошлой ночью, с немецкой подводной лодки, зашедшей в прибрежные воды. Вместе с ним на судно подняли груз, состоящих из нескольких деревянных ящиков с маркировкой кригсмарине и трех изможденных людей в лагерных робах с номерами. Ящики полковник приказал отнести в предоставленную ему каюту, а людей накормить и запереть в трюме.

Крюгера очень интересовало, кто эти доходяги, но, наученный многими годами службы, он предпочел не задавать лишних вопросов.

– Хайнц, вы давно бывали в этих местах? – поинтересовался гость, выбив трубку и спрятав ее в карман.

– Последний раз неделю назад. Доставлял продовольствие и медикаменты в нашу миссию, господин полковник.

– Надеюсь, она в полном порядке?

– О да, – рассмеялся капитан. – Отцы – иезуиты исправно обращают в христианство местных дикарей. Из них могут получиться достойные солдаты для Рейха!

– Неужели они до сих пор существуют?

– Да. Но об этом мало кто знает. Поблизости от миссии, в горах, проживает племя пираха, их несколько сотен. А дальше по течению реки, выше каскада водопадов, обитает народность синта марга. Этим уже несколько тысяч.

– И чем же они занимаются?

– В основном охотой и рыбалкой. Ну и еще воюют между собой для разнообразия, причем пленных съедают.

– Так они каннибалы?

– Как и все хищники здесь, – рассмеялся Крюгер. – В джунглях все время кто-то кого-то ест.

– Да, – задумчиво протянул Росс. – Закон природы.

Между тем траулер приближался к виднеющейся впереди по курсу, высокой, поросшей тропической растительностью горе, вершина которой была окутана облаками.

– Аборигены называют ее «Гора грома», – указал на вершину Крюгер. – Там постоянные дожди и частые грозы. А вот и то, что нам нужно.

Он переложил штурвал, траулер покатился влево и, миновав фарватер, вошел в узкую, скрытую мангровыми зарослями, темную протоку. Через пару сотен метров она расширилась, и судно оказалось в обширной, отливающей голубизной, речной лагуне, с виднеющимися на ее берегах строениями.

– Наконец-то мы на месте, – произнес капитан, сбавляя ход и направляя траулер к группе арековых пальм в дальнем конце водной акватории.

– А сюда довольно просто попасть. Неужели нет никакой охраны? – удивился Росс.

– Почему же, – ухмыльнулся Крюгер. – На «Горе грома» наблюдательный пункт и артиллерийская батарея. Любое другое, появившееся в этом месте судно, было бы немедленно разнесено в щепки и бесследно исчезло.

Кроме того, этот рукав Амазонки судоходен только во время прилива. Сейчас, как раз, его самая высокая точка. А вот и встречающие, – указал капитан на небольшую группу стоящих на причале под пальмами, людей.

Трое из них, в выцветшем обмундировании цвета хаки, приняли поданные с траулера швартовы с трапом, и Росс ступил на раскаленный солнцем деревянный настил причала.

– С благополучным прибытием, полковник, – произнес стоящий впереди высокий человек в тропической униформе кригсмарине и пожал гостю руку. – Я начальник гарнизона, капитан 1 ранга Глюкенау. А это мой заместитель, капитан 3 ранга фон Майер, глава миссии – пастор Райнике и начальник охраны, капитан Ланге.

– Мы рады вас видеть в нашей скромной обители, – шагнул вперед одетый в темную сутану благообразный пастор и осенил гостя крестным знаменем, а загорелый, со шрамом на щеке, капитан вытянулся и приложил два пальца к козырьку фуражки.

– Мне тоже приятно лицезреть вас, господа, – вздернул подбородок Росс. – На земле я чувствую себя намного уверенней, чем в море. Итак, кто примет у меня груз и людей?

– Рихард, – обернулся капитан 1 ранга к офицеру со шрамом. – Займитесь всем этим.

Тот молча кивнул, дал знак стоящим в стороне солдатам и вместе с ними поднялся на борт траулера

– И поосторожней с ящиками, капитан, в них магнитные мины! – бросил вслед полковник.

– А теперь, на правах хозяев, разрешите пригласить вас на завтрак в миссию, – сделал радушный знак Глюкенау. – У святого отца отличная для этих мест кухня.

– О, Людвиг, вы льстите мне, – смиренно произнес пастор, опустив вниз глаза и перебирая янтарные четки.

– Я с удовольствием принимаю ваше предложение господа, – ответил Росс. – Утренняя прогулка по Амазонке нагнала на меня чертовский аппетит.

Далее гость и встречающие прошли в конец пристани, к которой примыкала вымощенная плитами дорога, сели в стоящий там «опель», с откинутым верхом, и машина тронулась с места.

Миновав пальмовую рощу, она остановилась перед решетчатыми металлическими воротами, по обе стороны от которых, в заросли уходила натянутая на столбы «спираль Бруно»*. У ворот располагалась дощатая будка с часовым, который, отсалютовав, открыл их и пропустил автомобиль.

– Здесь у нас заканчивается режимная зона, – обернулся Глюкенау к Россу. – Со стороны моря она защищена артиллерийской батареей, а со стороны джунглей, как вы видели, колючей проволокой. По ночам мы пропускаем по ней электрический ток.

– А откуда электричество?

– О! Это вовсе не сложно. У нас имеется своя электростанция. Неподалеку, вверх по реке, целый каскад прекрасных водопадов.

– Да, обосновались, судя по всему, вы в этих местах обстоятельно, – одобрительно произнес Росс. – Настоящий форпост Великой Германии.

– И, насколько вам известно, далеко не единственный, – осклабился фон Майер.

– А как себя чувствуют наши итальянские друзья? По приказу гросс-адмирала мне надлежит доставить их в Германию, – сказал Росс Глюкенау.

– Отлично. Они здесь много чего почерпнули. Сегодня же вы с ними увидите.

– Буду рад.

Здание миссии, у которой остановился автомобиль, представляло собой двухэтажное каменное строение с открытой террасой, окруженное садом. Чуть дальше, среди деревьев, виднелись крыши еще нескольких домов, по виду напоминающих казармы.

– Прошу вас, господа, пройдемте в миссию, – гостеприимно пригласил Райнике, вышедших из машины офицеров.

Далее все проследовали по посыпанной речным песком дорожке к дому и поднялись на террасу.

За приоткрытой двухстворчатой дверью в ее начале, находилось просторное, тонувшее в прохладном сумраке помещение, с висящем на стене серебряным распятием, кафедрой и горящими пред ними свечами.

– Здесь мы обращаем в христианство заблудшие души обитающих в джунглях дикарей, – сказал пастор и, осенив себя крестным знамением, предложил всем следовать за собой.

Миновав помещение, он открыл находящуюся в его конце дверь, все поднялись по узкой лестнице на второй этаж, и, пройдя по коридору, оказались в небольшой уютной гостиной. Она была обставлена добротной мягкой мебелью в чехлах, на стенах висели картины, а у окна тускло отсвечивал красным деревом старинный клавесин. В центре комнаты стоял накрытый белоснежной скатертью круглый стол, уставленный разнообразными закусками и бутылками, позади которого неподвижно застыла пожилая монахиня.

– Сестра, вы пока нам не нужны, – мягко обратился к ней пастор. Монахиня смиренно наклонила голову в белом чепце и бесшумно вышла.

– Прошу за стол, господа. Вкусите нашу скромную трапезу.

Затем святой отец прочел молитву, которую все выслушали стоя и только после этого присели на стулья.

Через полчаса, основательно подкрепившись и отдав должное горячительным напиткам, вся компания смаковала принесенный монахиней кофе и дымила бразильскими сигарами.

– Господа, – обратился к присутствующим Росс, – а теперь я хочу сообщить вам о цели своей миссии. Месяц назад, в Берлине, состоялось закрытое совещание, на котором присутствовало высшее руководство кригсмарине и абвера. Фюрер выразил недовольство положением дел на морском театре и потребовал от наших адмиралов принять незамедлительные меры к полной блокаде судоходства в Южной Атлантике. Все без исключения суда американцев и англичан, с чем бы они не следовали, должны пускаться на дно. Любыми доступными средствами.

В этой связи увеличено число наших кораблей и подлодок, действующим на морских коммуникациях, их командирам даны соответствующие инструкции, а в места расположения секретных баз кригсмарине на побережье Латинской Америки, направлены специальные эмиссары* для активизации их деятельности.

Я один из них и прибыл не с пустыми руками. Трое доставленных на траулере пленников, крупные ученые-ихтиологи, а в ящиках новейшие магнитные мины, изготовленные специально для ваших подопечных.

Кстати, когда я знакомился в Берлине с разработками, которые ведутся здесь, то был поражен. Это что-то из области фантастики. Новое чудо-оружие, которое, безусловно, изменит ход войны на морском театре. Главное, как можно быстрее применить его на практике.

Все время, пока Росс говорил, присутствующие внимательно его слушали и одобрительно кивали головами. А затем Глюкенау взял ответное слово.

– Полковник, мы солдаты а, следовательно, безоговорочно выполним приказ фюрера. Тем более что вы доставили так необходимых нам специалистов, которых, к сожалению, не хватает.

Однако хочу отметить, что, находясь здесь, мы делали все от нас зависящее и имеем определенные результаты. С ними я готов ознакомить вас после того, как вы отдохнете после столь длинного и утомительного путешествия.

Гость с удовлетворением воспринял предложение Глюкенау, вслед за чем был препровожден в специально отведенную для него комнату. Где было все необходимое для комфортабельного отдыха.

Во второй половине дня, после обеда и последовавшей за ним сиесты, Росс вместе с Глюкенау и Ланге, на том же автомобиле отправились в базу.

– Для начала я покажу вам наш полигон и лабораторию, – сказал Глюкенау. – Поган, едем на полигон, – приказал он сидящему за рулем унтер-офицеру.

– Яволь, господин капитан! – повернул тот ключ зажигания.

Миновав знакомые ворота с будкой и часовым, автомобиль свернул с бетонной дороги на грунтовую и нырнул под своды тропического леса, опоясывающего лагуну. Через несколько минут он подъехал к ее восточной оконечности. Та представляла собой довольно широкую, отделенную от основной части лагуны металлической сетью бухту, в прозрачной сини которой резвилась и играла стая дельфинов.

Здесь же, у небольшой пристани с вышкой, были пришвартованы оборудованный подъемником катер и две моторных лодки.

Вплотную к пристани, в воде, располагался большой металлический ангар, примыкающий к нависшей над ним скале, а чуть дальше, под сенью громадных кумару*, находились несколько окрашенных в зеленый цвет деревянных строений.

Замедлив ход, автомобиль остановился перед одним из них, пассажиры хлопнули дверцами и проследовали внутрь. Там, в прохладном холле, с опущенными на окнах жалюзи, их встретил пожилой человек в белом полотняном костюме, такой же шапочке и роговых очках.

– Профессор Альтман, – представился он. – Прошу ко мне в кабинет, господа.

Кабинет профессора располагался за массивной дверью в конце длинного, с бордовой ковровой дорожкой, коридора. В нем находился заваленный бумагами и чертежами стол, несколько мягких кресел и расположенные вдоль стен стеллажи с различными приборами и многочисленными папками. Здесь же, на стене, глянцево блестела карта Атлантического океана, а над креслом хозяина, выполненный в полный рост, висел портрет фюрера. Изображенного на фоне Альп, в форме штурмовика и с выпученными глазами

– Профессор, – обратился к Альтману Глюкенау, когда все устроились в креслах. – Прошу вас подробно рассказать полковнику о проделанной нами работе и достигнутых результатах.

– Хорошо, – кивнул головой Альтман. – Но прежде я хотел бы поблагодарить вас, – вскинул он глаза на Росса, – за доставленные мины. Их нам очень не хватало для завершения всего цикла испытаний, и в ближайшее время мы надеемся применить устройства в деле.

– Я рад, что привез эти игрушки вовремя, – самодовольно ответил Росс. – А как с доставленными специалистами? Чтобы найти их, нам пришлось изрядно попотеть в концлагерях. Отыскивая необходимых

– Один из них, англичанин, ихтиолог-теоретик и особого интереса не представляет, – блеснул очками профессор. – А вот двое других, еврей и русский, длительное время занимались изучением дельфинов на практике и могут нам пригодиться. Ну, а теперь, я ознакомлю вас с нашими изысканиями. Сначала немного истории.

Возможностями боевого применения дельфинов впервые заинтересовались русские в Первую мировую войну. В 1915 году некий московский дрессировщик Владимир Дуров, изучив их уникальные возможности, обратился в Генеральный штаб с предложением использовать этих необычных животных для обезвреживания морских мин и уничтожения наших подводных лодок.

Военное ведомство русских заинтересовалось этим вопросом, и организовало в Балаклавской бухте специальную лабораторию с полигоном, где в течение трех месяцев было подготовлено два десятка боевых дельфинов.

Однако разведка Рейхсвера своевременно получила информацию об этом и с помощью внедренной к русским агентуры ликвидировала всю группу животных. Более того, нашим агентам удалось добыть и часть уникальных документов, которые послужили основой для проведения соответствующих исследований в Рейхе.

Но мы пошли дальше. Если русские делали акцент на обнаружение и уничтожение дельфинами только мин и подводных лодок, то мы направили свои усилия на уничтожение боевых кораблей и судов противника, а также его военно-морских баз и портов. Согласитесь, что это намного масштабнее.

Кроме того, большевики практиковали обнаружение мин дельфинами визуально, а лодок – по запаху соляра. Мы же обучаем своих питомцев улавливать гидроакустические шумы идущих кораблей и судов, что делает их возможности значительно шире. Слуховой аппарат дельфинов намного совершеннее любого сонара и позволяет обнаруживать цель в нескольких десятках миль.

Скажите, профессор, с интересом прервал Альтмана Росс, – а как вы осуществляете обучение столь необычных животных?

– Это делается следующим образом. В различных местах лагуны установлены закрепленные на листах корабельной обшивки подводные излучатели, из которых воспроизводятся шумы винтов кораблей и судов противника различного класса: от боевых линкоров и крейсеров, до сухогрузов, типа «либерти». Излучатели поочередно включаются и выпущенный из бухты в лагуну дельфин, снабженный размещенным на теле имитатором магнитной мины, прикрепляет его к обшивке, после чего возвращается в бухту, где получает вознаграждение в виде сырой рыбы.

Сначала, для подрыва мин, мы планировали использовать гидроакустические взрыватели самонаводящихся торпед. Это обеспечивало срабатывание заряда при приближении дельфина к судну на расстояние до десяти метров. Но в этом случае он бы неизбежно погибал, что нерационально. Вот и остановились на магнитных минах с часовым механизмом. Тех, которые вы нам доставили.

А сейчас, полковник, я предлагаю пройти на полигон, где мои сотрудники продемонстрируют боевые способности наших питомцев в их завершающей стадии. А именно, доставку и подрыв магнитных мин.

– С удовольствием, – кивнул головой Росс, после чего присутствующие встали и покинули кабинет.

На причале, следуя за профессором, вся группа поднялась по узкому металлическому трапу на вышку. Ее смотровая площадка, оборудованная всевозможными приборами, напоминала гидроакустическую рубку, у пульта которой сидел лысый бородатый человек с наушниками на голове и микрофоном в руке, беседовавший о чем-то с двумя, стоящими рядом спортивного вида людьми. Облаченными в тонкие гидрокостюмы.

– А вот и наши итальянские коллеги, полковник. Разрешите представить, капитан – лейтенант Джовани Магро и лейтенант Винченце Торриани.

– Рад знакомству, господа, – пожал им руки Росс. – Я кое-что слышал о вашей 10-й флотилии малых штурмовых средств и восхищен ею. Надеюсь, пребывание здесь пошло вам на пользу?

– Безусловно, сеньор полковник, – ответил тот, кого называли капитаном. Черноволосый и с перебитым носом. – Новое оружие Рейха феноменально и по прибытии в Италию, мы создадим такое же.

– Приказ о вашем возвращении у меня, – сказал Росс. – Но об этом мы поговорим чуть позже. А сейчас я хотел бы все увидеть своими глазами.

– В таком случае, приступаем, – торжественно произнес Глюкенау. – Профессор?

– Ганс, у вас все готово? – поинтересовался Альтман у оператора.

– Да, господин профессор.

– Начинайте.

– Слушаюсь, – кивнул тот головой и произвел несколько манипуляций с тумблерами и кнопками на пульте. После этого на тускло мерцающем перед оператором экране гидролокатора высветилась и запульсировала яркая точка, со всплывающими из нее кругами.

– В настоящее время станция фиксирует импульсы одного из включенных в лагуне излучателей, воспроизводящих шум винтов американского крейсера класса «Аляска», – прокомментировал профессор. – Ганс, переходите к очередному этапу, – приказал он оператору.

Тот снова кивнул и поднес микрофон к губам.

– Внимание боевому расчету! Прослушиваю шум винтов цели. Пеленг 65, дистанция три тысячи метров. Предположительно крейсер, класса «Аляска». Минутная готовность к пуску!

– Есть! – металлически донеслось из динамика.

– Полковник, прошу вас наблюдать за ангаром, – сказал Альтман и извлек из кармана блеснувший никелем хронометр.

– Пуск! – скомандовал через минуту оператор.

Передняя аппарель ангара плавно покатила в сторону, и из него, разрезая воду, в сторону лагуны быстро понесся черный плавник. Словно стрела, выпущенная из лука.

В ту же секунду профессор включил хронометр и взглянул на полковника, который, прильнув к поданному оператором биноклю, внимательно наблюдал за удаляющимся дельфином.

– Это наш лучший экземпляр, афалина* по кличке Тор, – сказал Альтман. – Его максимальная скорость соответствует боевому режиму хода торпеды. Как только дельфин коснется обшивки, и мина зафиксирована на ней, включится часовой механизм, после чего начнется отсчет времени.

В данном случае он составляет пять минут, то – есть время, необходимое Тору для возвращения в ангар. На исходную позицию.

Через три минуты плавник афалины мелькнул в зеве ангара, и его аппарель закрылась. А еще через две, в дальнем конце залива вспучился высокий столб воды и донесся приглушенный расстоянием, глухой раскат взрыва.

– Прекрасно! – воскликнул Альтман, нажав кнопку хронометра. Бегущая под циферблатом стрелка дрогнула и застыла.

– Господа! Поздравляю вас с рождением нового оружия Рейха! – с пафосом произнес Глюкенау. – В ближайшее время с нашими итальянскими союзниками мы применим его на практике. А теперь, уважаемый полковник, – обратился он к Россу, – мы покажем вам, каким образом все это будет осуществляться. Прошу всех вниз, господа.

Оживленно переговариваясь, вся группа за исключением оператора и итальянцев, которые остались проверить какие-то расчеты, спустилась с вышки и направилась по причалу в сторону виднеющейся в боковой части ангара двери.

– О! – переступив стальной комингс* и оказавшись внутри, воскликнул Росс, удивленно озираясь по сторонам.

В лучах ярко горящих под сводом фонарей, в темной воде ангара находилась подводная лодка с головой Горгоны на рубке, вокруг которой с писком резвился большой дельфин. Здесь же, по узкому пирсу, прохаживался Майер с сигарой в зубах, а в его конце несколько матросов возились с какими-то заслонками.

– Все свершилось, Отто! – воскликнул Глюкенау, – обращаясь к Майеру. – Тор поразил цель!

– Да, господин капитан 1 ранга, – ответил тот, подходя к группе. – Мы слышали взрыв.

– Вы еще не поощрили героя? – поинтересовался Альтман.

– Я думаю, это лучше всего сделать нашему гостю.

Через несколько минут, радостно улыбающийся Росс с удовольствием швырял взлетающему из воды дельфину принесенную в корзине одним из матросов живую макрель. Еще открывающую рот и трепещущую.

– Жаль, что я не могу поощрить этого красавца еще чем-нибудь, – заявил полковник, когда последняя тушка исчезла в пасти весело попискивающей афалины.

– Тор у нас непритязателен, – ухмыльнулся Глюкенау. – Отто, отправьте его в грот, к остальным.

Майер взмахнул рукой, из дальнего конца ангара раздались два громких свистка, и дельфин, высоко подпрыгнув, грациозно исчез в воде.

– Там у нас природный грот со вторым выходом – указал в сторону матросов Глюкенау. – Во время отработки дельфины находятся в нем и выпускаются к целям поочередно, из специального устройства стоящей перед нами лодки.

– Насколько я понимаю, это обычная субмарина десятого типа? – взглянул на него Росс.

– Не совсем, – ответил капитан 1 ранга. – Когда начались работы по подготовке боевых дельфинов, мы планировали доставлять их к морским коммуникациям и базам противника на специально оборудованных для этого судах, вроде траулера Крюгера. Но потом отказались от этого. Терялся элемент скрытности. Вот и остановились на подводных лодках.

Десятый тип, разработанный как минный заградитель, наиболее подходит для этих целей. У него приличные водоизмещение, скорость хода, глубина погружения и автономность. Дело оставалось за малым – переоборудовать лодку для доставки и пуска живых торпед. И наши конструкторы, по приказу гросс-адмирала Деница, вплотную занялись этим в Киле.

С одного из готовящихся к спуску подводных заградителей были сняты все минные шахты, а первый отсек переоборудован для доставки и пуска афалин. Причем корабль ничего не потерял в вооружении. На нем оставлены кормовые торпедные аппараты с полным боезапасом, 105 миллиметровое артиллерийское орудие и зенитные пулеметы. Командиром этой необычной субмарины был назначен один из лучших подводников Рейха, капитан 3 ранга Отто фон Майер, который весной и привел ее сюда.

– После Арктики, это было совсем не трудно, экселенц, – небрежно произнес Майер.

– И где вы там служили? – поинтересовался у подводника Росс.

– В группе «Викинг», во льдах у самого Полюса.

– О! Вам довелось топить английские конвои?

– По приказу гросс-адмирала мы пускали ко дну всех без исключения, – рассмеялся капитан 3 ранга.

– В таком случае, я уверен в вашем успехе в экваториальных водах. А теперь хотелось бы взглянуть на столь необычный подводный корабль. Для нового вида оружия.

– Что ж. Я с удовольствием вам его продемонстрирую. Прошу на борт, друзья, – сделал радушный жест Майер.

– Кстати, а что там за химера изображена на рубке, – ступив с узкого трапа на стальную палубу, – указал Росс пальцем на женскую голову вверху, с волосами в виде змей и ужасным оскалом.

Этот символ, знак принадлежности подводной лодки к специальному подразделению кригсмарине, выполняющему особо важные задания высшего командования, – ответил капитан 3 ранга. – Взят же он из греческой мифологии.

Горгона Медуза, – она же стражник, защитница и повелительница, наиболее известная из трех сестер – чудовищ с женским лицом и змеями вместо волос. Ее взгляд обращал человека в камень. Была убита Персеем. Упоминается в «Одиссее».

По преданиям – младшая дочь морского старца Форка и единственная смертная из горгон. Родилась прекрасной, с чудесными волосами и победила богиню Афину в состязании по красоте, за что та, будучи мстительной, превратила волосы девушки в гидр, а затем предательски убила на поединке рукою Персея.

Ее же кровь, вытекшая из обезглавленного тела, стала обладать чудодейственным свойством: та, которая текла из левой части, несла людям смерть, а из правой – спасала их от любых бедствий.

– То же делаете и вы? – выслушав Майера, поинтересовался Росс.

– Именно, – господин полковник. – Для великой Германии и на ее благо. Осторожнее, здесь шпигат. Не споткнитесь.

Далее вся группа, ступая по узкому обводу, скрылась в темном поеме рубочной двери. Оттуда, поднявшись на мостик, поочередно спустилась по вертикальному трапу входного люка в центральный пост необычной субмарины.

– Внимание в отсеке! – скомандовал при появлении высокого начальства встретивший их помощник командира, приложивший руку к фуражке в белом чехле и вытянувшись у тумбы перископа.

– Вольно, Штумпф, продолжайте работы. А мы пока пройдемся по лодке, – махнул ему лайковой перчаткой Майер.

Следуя за капитаном 3 ранга, Росс, Альтман и Глюкенау прошли по пружинящим под ногами пайлам* во второй отсек, напичканный различными вспомогательными механизмами и оказались у задраенной переборочной двери, располагавшейся почти у самого подволока.

Поднявшись по ведущему к ней звенящему трапу, Майер пригласил гостей следовать за ним и отдраил рычажный клинкет. Бесшумно провернувшийся.

За дверью, в матовом свете плафонов, глазам офицеров открылся обширный, наполовину заполненный водой отсек. Чуть выше ее уровня, вдоль бортов тянулись две узкие платформы с леерным* ограждением, ведущие к подобию торпедного аппарата.

– Перед вами, господин полковник, первый отсек нашей лодки со специальным пусковым устройством. Насколько вы видите, он довольно необычен.

– Мистика, – пробормотал Росс, осторожно ступая на платформу. – И каким образом это все работает?

– Никакой мистики, – ответил Альтман. – Все действует по физическим законам. В расположенный перед вами бассейн с морской водой, через трубу пускового устройства диаметром в полтора метра, из ангара запускаются боевые дельфины – от одного до трех.

После этого мы выходим в море, на коммуникации противника и отслеживаем цель. Как только она обнаружена, на афалин устанавливаются магнитные мины с часовым механизмом, и они поочередно выпускаются за борт. Дальнейшее вы видели на полигоне.

– Насколько я понимаю, все это возможно только в надводном положении?

– Нет. Пуск осуществляется с перископной глубины, что исключает возможность нашего обнаружения.

– А люди? Ведь в этом случае отсек затопляется.

– Отсек остается в том же виде, что и сейчас. И боевой расчет его не покидает.

– ?!

– Все очень просто, господин полковник, – рассмеялся Майер. – При пуске афалин мы создаем в отсеке и трубе аппарата давление на пару атмосфер выше забортного. И после открытия крышек аппарата, вода в отсек не поступает. Для боевого расчета и дельфинов это давление совершенно безвредно.

– И какова вероятность обнаружения дельфинами цели?

– Она стопроцентна, поскольку гидроакустические шумы обнаруженного судна они слышат намного лучше наших сонаров*.

– А нет ли опасности установки мин афалинами на корпус вашей лодки?

– Это исключено, поскольку мы идем под электромоторами и лодка практически бесшумна. Кроме того, при пуске мы стопорим ход.

– Но что толкает афалин на атаку цели?

– Условный рефлекс, выработанный тренировками. Шум винтов цели, для них сигнал к игре, в ходе которой необходимо обнаружить судно, коснуться миной его корпуса, а затем вернуться на лодку и получить вознаграждение. Оно тем более желанно, что в походе мы держим афалин на голодном пайке.

– И это все вами проверялось на практике?

– Да. Мы неоднократно выходили в море, где проводили отработки совместно с траулерам Крюгера. На нем установлены излучатели, позволяющие имитировать шумы винтов судов различного класса. И во всех случаях атаки прошли успешно, что подтвердило последующее обследование корпуса траулера.

– Таким образом, испытания нового оружия практически завершены?

– Да, – констатировал Альтман, – благодаря вашему прибытию. Мы ждали только новых магнитных мин, с часовым механизмом и усиленным зарядом.

– Скажу вам больше, полковник, – включился в разговор Глюкенау. – По сведениям нашей резидентуры, в ближайшее время из Манауса в Ливерпуль отправится английский сухогруз с бокситами* и кофе для метрополии. Он и станет первой целью для наших живых торпед.

– Что ж, господа, желаю удачи, – сказал полковник. – Я очень доволен результатами вашей работы, о чем буду докладывать высшему руководству. Теперь дело за вами, фон Майер.

После этого, поднявшись наверх и предоставив Альтману заниматься своими делами, Росс и Глюкенау вместе с итальянцами проследовали в небольшой, расположенный неподалеку от лаборатории домик, в котором они жили. Там, уютно расположившись в плетеных креслах на открытой, утопающей в цветах и зелени террасе, они угостились принесенным денщиком холодным кампари* со льдом, после чего Росс ознакомил Магро с приказом командира десятой флотилии МАС Валерио Боргези об откомандировании его и Торриани на базу кригсмарине в Бриндизи.

– Откуда у вас этот приказ, сеньор полковник? – поинтересовался Магро.

– Я получил его в Берлине, в штабе гросс-адмирала, где, кстати, познакомился и с вашим командиром. Весьма достойный офицер.

– Джованни, – вмешался в разговор Глюкенау. – А почему бы вам не рассказать полковнику о вашей легендарной флотилии? Эта тема достойна того.

– Да-да, – поддержал его Росс. – Я не прочь об этом услышать.

– Ну, что ж, сеньоры, коль вам это интересно, я к вашим услугам. Тем более, что служу в этом соединении с момента его создания.

Поначалу флотилии, как таковой не было. Имелась небольшая группа офицеров-подводников, обладавших незаурядными физическими данными и богатой фантазией, которая решила использовать в предстоящей войне управляемые человеком торпеды.

Командование флота отнеслось к этому с пониманием и в 1936 году на базе флотилии подводных лодок, дислоцирующихся в Специи, был создан отряд водителей управляемых тор-

пед. Его возглавил опытный подводник, капитан 2 ранга Каталано Гонцага, который и зачислил меня в это подразделение, после окончания военно-морского училища.

На вооружении отряда находились специально разработанные для него малозаметные управляемые торпеды, быстроходные штурмовые катера и новейшее легководолазное снаряжение. Подготовку мы проходили в режиме строгой секретности на закрытом полигоне в устье реки Серкио.

С началом войны наш отряд реорганизовали в десятую флотилию малых штурмовых средств. В состав соединения входят малые подводные лодки, используемые в качестве носителей управляемых торпед, быстроходные штурмовые катера и группы боевых пловцов-диверсантов. С лета сорок первого им командует известный вам, капитан 2 ранга Валерио Боргезе, по приказу которого мы с Торриани и находимся здесь.

В порядке обмена боевым опытом. И, мне кажется, наше сотрудничество является достаточно плодотворным. Не так ли, сеньор капитан? – взглянул Магро на Глюкенау.

– Безусловно, Джованни, – кивнул тот головой. – Благодаря вам мы имеем свою группу подводных диверсантов, а вы ознакомились с практикой подготовки боевых дельфинов. Все это, безусловно, послужит на пользу нашим общим интересам.

– А не могли бы вы рассказать о какой-нибудь значительной операции, проведенной вашими людьми? – поинтересовался Росс, забросив ногу на ногу.

– О! – воскликнул Магро. – Их было не мало. Но, самыми значимыми, на мой взгляд, были наши действия в Гибралтаре осенью 41-го. Незадолго до этого мы получили сведения о нахождении там значительного количества английских кораблей и в том числе линкора «Нельсон». Операцию разработал и лично возглавил князь Боргезе.

Глубокой ночью на подводной лодке «Шире» мы вошли в подводном положении в бухту Альхесирас, где шестеро из нас, включенных в кислородные аппараты, выбрались на палубу и извлекли из контейнеров управляемые торпеды. После этого уселись на них верхом по двое и, двигаясь под водой на малой скорости, направились к порту.

Так как видимость была почти нулевой, мы с водителем первой торпеды, лейтенантом Визинтини, подвсплыли, и вода скрывала нас только до пояса. Благополучно миновав брандвахту*, где стояли английские сторожевые катера и определив точное направление движения, мы вновь погрузились на глубину, после чего проследовали к противолодочным заграждениям. Их стальные ячейки оказались вполне проходимыми для торпед, и мы проскользнули в базу. Здесь снова подвсплыли и на фоне неба, на расстоянии примерно в двести метров заметили силуэт большого транспорта. Он был выбран в качестве первой цели.

Мы поднырнули под днище судна и, прикрепив к боковым киям трос, подвесили на него зарядное отделение торпеды, включив на нем механизм взрывателя. После этого, находясь в подводном положении, тем же путем вернулись назад, где в заранее обусловленном месте, нас подобрала «Шире». Спустя непродолжительное время, на ее борт были приняты остальные группы, успешно минировавшие еще один транспорт и груженный нефтью танкер. К утру, уже находясь в открытом море, мы слышали со стороны гавани серию глухих взрывов. Наши заряды сработали.

По этому поводу даже были сообщения в итальянской прессе. Вот, пожалуйста, убедитесь сами, – и Магро протянул Россу извлеченную из бумажника небольшую газетную вырезку.

– Позвольте мне, полковник, я неплохо знаю итальянский, – взял ее в руки Глюкенау.

«Штурмовые средства королевского военно-морского флота проникли на рейд и во внутренний порт крепости Гибралтар. Потоплены танкер грузоподъемностью 10000 тонн, другой танкер (6000 тонн) и транспорт (6000 тонн), груженный боеприпасами. Еще одно судно (12 000 тонн), груженное военным имуществом, выбросилось на скалистый берег и может считаться надолго выведенным из строя», – прочел он и со значением посмотрел на Росса.

– Да, впечатляющая операция. Я просто поражен, – заявил тот. – Ваши парни, Магро, заслуживают всяческих похвал.

– Еще более значительным по результатам, был наш поход в Александрию, зимой того же года, – продолжил итальянец.

– В декабре «Шире», под командованием Боргезе совершила переход из Специи на нашу базу в Леросе. Несколько дней спустя, на гидросамолете, туда же были доставлены три группы боевых пловцов в количестве шести человек. В середине декабря, приняв их на борт вместе с управляемыми торпедами, лодка вышла в Средиземное море и взяла курс на Александрию, где по сведениям нашей разведки базировались английские линкоры «Вэлиент» и «Куин Элизабет».

Согласно разработанному командиром плану, нам предстояло скрытно преодолеть минные заграждения, установленные на входе в базу, спустить за борт три управляемые торпеды с диверсионными группами, после чего вернуться в Италию.

Членам групп, снабженным необходимыми денежными суммами, после минирования кораблей предписывалось скрытно выйти на побережье и укрыться там. Затем приобрести у местных жителей гражданское платье и лодку, на которой через пять суток находиться в условленном месте в районе маяка Розетта. Там, ночью, их должна была принять на борт итальянская подводная лодка и доставить на базу.

В ночь с 20 на 21 декабря, благополучно пройдя минные поля, «Шире» всплыла на подходе к Александрии и с нее на воду были спущены три управляемые торпеды с шестью боевыми пловцами. После того, как запустив двигатели, группы скрылись из виду, мы погрузились и отправились на базу. А по приходу туда получили известие, что оба линкора пущены на дно.

Однако наши парни с того задания не вернулись, и что с ними случилось неизвестно. Скорее всего, англичане захватили героев в плен. Или те погибли при возвращении.

За эти операции все участники и в том числе я, были награждены орденами и медалями, а наш командир удостоен аудиенции самого короля. Виктора Эммануила Третьего.

– Я очень рад, что познакомился с вами и лейтенантом Торриани, – сказал Росс, когда Магро закончил свой рассказ. – Вы смелые люди и заслуживаете всяческого уважения. Думаю, у нас будет достаточно время и для других, не менее интересных бесед, при возвращении на родину.

– А когда и каким образом это планируется, сеньор полковник? – спросил Торриани.

– В самое ближайшее время, лейтенант. Как только я завершу здесь некоторые свои дела, судно Крюгера доставит нас на борт одной из немецких субмарин, крейсирующих в этих водах. На ней мы и отправимся в Рейх. Который, уверен, вам понравится.

– Сеньор полковник, – переглянувшись с Торриани, обратился Магро к Россу. – У нас к вам небольшая просьба. Ранее мы обращались с ней к сеньору капитану, однако без ведома Берлина, он отказался ее удовлетворить.

– В чем дело, Людвиг? – начальственно взглянул Росс на Глюкенау. – Я думаю, таким парням ни в чем не должно быть отказа.

– Безусловно, – рассмеялся тот. – Но они желают получить наши материалы по подготовке боевых дельфинов. А это не в моей власти.

– М-да, – нахмурился полковник. – Здесь вы правы. Такое распоряжение может дать только Дениц. Но вы не расстраивайтесь, капитан, – дружески похлопал он Магро по плечу. – Как только мы прибудем на место, вы сможете поставить этот вопрос перед гросс – адмиралом. И он, думаю, не откажет.

– Очень на это надеюсь, – ответил Магро. – Желаете еще кампари?

Глава 5

Кураре

На закате дня, попрощавшись с итальянцами и сев в подъехавший автомобиль, Росс с Глюкенау вернулись в миссию. Там, после ужина, за чашкой душистого кофе с коньяком и сигарами, полковник конфиденциально сообщил капитану 1 ранга еще об одной цели своего визита.

– Как мы вынуждены с сожалением констатировать, – сказал он, – война приобрела затяжной характер. И в этих условиях мы обязаны противопоставить врагу не только боевую мощь вермахта и кригсмарине, но и диверсионные возможности нашей разведки.

Во вражеском тылу «абвер» создал серьезные агентурные позиции и разветвленную сеть резидентур, перед которыми в настоящее время поставлена задача физического устранения политических руководителей и высших военачальников, противостоящих нам стран.

По имеющимся оперативным сведениям, в конце этого года в одном из ближневосточных государств, в режиме строгой секретности, готовится встреча лидеров России, США и Великобритании.

В настоящее время, по личному указанию фюрера, мы готовим операцию по ликвидации всех троих. Для этого задействованы лучшие силы разведки и имперской службы безопасности.

Мне поручено доставить в их распоряжение, для оснащения наших агентов-боевиков, яд кураре. Надеюсь, вы слышали о таком?

– Безусловно, – ответил Глюкенау. – Но что это такое, представляю довольно смутно.

– В таком случае, я вас немного просвещу.

Кураре является одним из сильнейших ядов, растительного происхождения и применяется индейцами Южной Америки для охоты и ведения войны. Проникая в кровь с наконечника пущенной в жертву стрелы, он вызывает мгновенный паралич мускулатуры и дыхания, завершающийся смертью.

Для изготовления яда индейцы используют различные виды тропических растений и их компоненты. В Европу рецепт кураре доставили в 1745 году из Перу, французы. Впоследствии, в 1938 году, американцы определили растение, из которого возможно приготовление наиболее сильного яда, назвав его «*Chondrodendron tomentosum*». Растение произрастает на территории западной Амазонии. Это крупная лиана с сердцевидными листьями, стебель которой достигает восьми сантиметров в диаметре. В пору цветения она покрыта гроздьями мелких белых цветов, на месте которых вызревают небольшие ягоды.

Располагая необходимыми рецептурой и сырьем, мы произвели кураре в лабораторных условиях и испытали полученный яд в концлагерях. Однако его поражающие факторы оказались несопоставимыми с кураре, который готовят индейцы.

В связи с этим, руководство, в лице Кальтенбрунера и Канариса, поручило мне добыть его с вашей помощью у дикарей, причем любыми средствами. После чего переправить в Берлин. От этого зависит исход стратегической операции. Я надеюсь, вы понимаете важность задания, Людвиг? – доверительно наклонился Росс к Кляугенау.

– Безусловно, Гюнтер. Но это достаточно рискованное предприятие. Индейцы сельвы воинственны и коварны. Тем более что при строительстве базы, в целях безопасности нам пришлось уничтожить одно из проживавших в этих местах племен. Впрочем, мы можем обратиться за помощью к пастору. Райнике возглавляет эту миссию много лет, возвращая дикарей в лоно святой церкви и пользуется у них определенным авторитетом. К тому же он боготворит фюрера и фанатично предан Рейху.

– Что ж, это дельное предложение, – согласился Росс, – и на то были причины. Пастор, как и его родители, переселившиеся в Бразилию из Польши в конце прошлого века, давно и успешно сотрудничал с германской разведкой, формируя в этой стране «пятую колонну» из числа эмигрантов и обращенных в христианство индейцев, а заодно «присматривал» за ходом испытаний на базе. Глюкенау, естественно, об этом не знал. И доверял служителю культа.

– В таком случае, побеседуем со святым отцом, – сказал он, позвонив в стоящий на столе изящный, прошлого века колокольчик.

Через минуту дверь кабинета бесшумно открылась и на пороге появилась монахиня.

– Марта, пригласите, пожалуйста, к нам господина пастора, – обратился к ней капитан 1 ранга.

– Слушаюсь, – наклонила та голову в белом капоре* и исчезла.

– А каков персонал сотрудников миссии? – поинтересовался Росс, поудобнее устроившись в кресле.

– Он совсем небольшой. Пастор, три монахини, врач и повар. Все постоянно живут здесь. Продукты питания, медикаменты и почту для миссии, доставляет сюда по реке Крюгер. Через него же Райнике навещает своих католических патронов в Рио и Манаусе.

Разговор собеседников прервало появление пастора.

Тот вошел как всегда со смиренным видом, тихо шурша сутаной, и благостно поприветствовал собеседников.

– Святой отец, – обратился к нему Глюкенау, когда тот уселся в кресло. – Нам нужна Ваша помощь в одном важном деле.

– Я всегда к вашим услугам господи, – бесцветно произнес Райнике, перебирая в руках янтарные четки.

– Вы давно живете в этих местах и, насколько мне известно, пользуетесь уважением местных аборигенов, – продолжил капитан 1 ранга.

– В некотором роде да, – кивнул головой пастор.

– А также знаете их образ жизни, обычаи и культы.

– Это часть моей работы.

– В таком случае скажите, что вам известно о яде кураре, которым пользуются дикари для войны и охоты?

– О! – воскликнул Райнике, сделав испуганное лицо. – Это чудовищное орудие убийства. В свое время, в этих местах от кураре погиб мой предшественник. А несколько лет назад, при посещении племени араваков, я наблюдал, как этот смертельный яд готовил местный знахарь.

– И каким образом это делалось? – заинтересованно спросил Росс, поглаживая пальцами подбородок.

– Знахарь варил его на огне из измельченных корней и стеблей какого-то растения, добавляя туда кровь лягушек и непрерывно помешивая кипящую массу. Когда яд был готов, он представлял собой темную густую жидкость с терпким смолистым запахом. Ею смазывались миниатюрные стрелы, которые индейцы выдувают из полых трубок во время охоты.

– Наших ученых очень интересует этот яд, святой отец, мне поручено его отыскать и доставить в Берлин, – значительно сказал Росс. – Это очень важно для Рейха и победы.

– Я понимаю вас господин полковник и готов помочь, – не сразу ответил пастор. – Но нужна экспедиция в джунгли. Людвиг, вы дадите мне нескольких солдат для сопровождения?

– Безусловно, – ответил Глюкенау. – Сколько человек вам нужно?

– Достаточно пятерых, хорошо подготовленных и более-менее знакомых с сельвой*.

– В таком случае это будет Ланге со своими людьми. Они воевали в Африке и не раз бывали в джунглях.

– Ну что же, – согласился Райнике. – Это меня вполне устраивает.

– А сколько дней продлится экспедиция? – поинтересовался Росс.

- При благоприятном исходе около недели.
- В таком случае, пастор, я тоже пойду с вами. Вы не против?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.